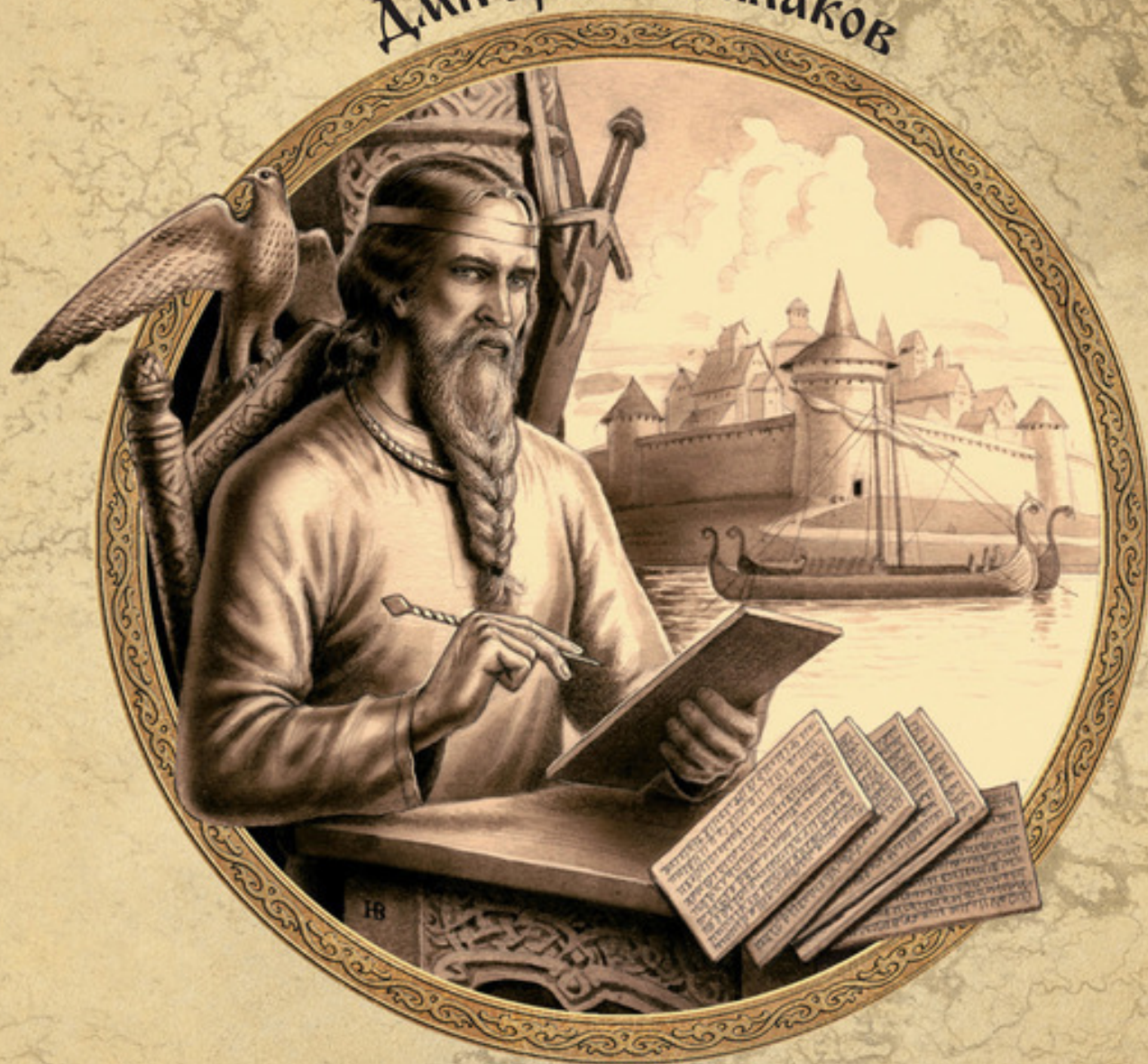


Ў истоков Руси

Дмитрий Агалаков



Дар
из глубины
веков

У истоков Руси

Дмитрий Агалаков
Дар из глубины веков

«ВЕЧЕ»

2016

Агалаков Д. В.

Дар из глубины веков / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ»,
2016 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4444-9096-9

Дохристианская история славян полна загадок и недомолвок. А документов той эпохи почти не сохранилось. Одной из самых необычных находок той поры, несомненно, стала «Книга Велеса» — древнейшая история славян, выполненная на деревянных дощечках руническим письмом. Официальная наука отнеслась к находке весьма скептически, ее даже пытались объявить подделкой, поскольку сведения, содержащиеся в книге, представляли историю происхождения славянского этноса в совершенно ином свете... Известный самарский писатель-историк Дмитрий Агалаков в новом, захватывающем романе предлагает свою, оригинальную версию создания и дальнейшей судьбы «Велесовой книги», протянувшейся на тысячу с лишним лет!..

ISBN 978-5-4444-9096-9

© Агалаков Д. В., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава первая. Опальные боги	12
Глава вторая. Анна Русская и «Книга судьбы»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Агалаков

Дар из глубины веков

Знак информационной продукции 12+

© Агалаков Д. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

От автора

История появления «Велесовой книги» уникальна и полна загадок. Ее значение переоценить невозможно. Содержание книги в корне меняет наше представление об истоках отечественной государственности. Благодаря легендарным дощечкам подтверждается, что русская история намного древнее той, которую заученно преподают в школе. Увы, в отечественной историографии благодаря неосторожному и поверхностному умозаключению летописца Нестора до сих пор бытует преступная легенда о диких славянах, живших до Рюрика в землянках. Хорошо, хоть не на деревьях¹! И это несмотря на то, что на обширной территории от Новгорода до Киева существовала Гардарика (Страна городов), как ее называли куда менее цивилизованные скандинавы! Бытует и другая унижительная легенда – о призвании чужестранцев-варягов, хотя Рюрик² был русским, внуком новгородского посадника Гостомысла, вождем воинской ватаги с речки Варяжи и озера Ильмень. Важен исторический пример: когда в 1066 году Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии, переплыл Ла-Манш, разбил англосаксов и завоевал Англию, в его новом государстве язык поменялся: все заговорили на французском! На языке короля и знати! Но вам любой честный историк скажет, что с приходом Рюрика в русский язык не было привнесено ни одного чужого слова. А почему? Да потому, что Рюрик и его воины говорили на русском! Завоеватели всегда приносили культы своих богов, силой насаждали их – в языческом обществе это было бескомпромиссным правилом! – но ни о каком Одине у нас на Руси и не слышали! С христианством пришла известная поговорка: «И за рекой люди живут». Это означает, что теперь все братья и равны перед единым Богом, ведь в языческие времена «река» была рубежом между царствами живых и мертвых. За «реку» ходили убивать и грабить. Там можно было все! Ну так какой же дурак в языческую эпоху позвал бы чужеземцев из дальних стран, хищных врагов, с чужими богами и чужим укладом жизни, в свой родной дом? Терзать свою землю? Самовольно записаться в рабы? Но норманологи продолжают игнорировать эти факты и повторять, как зомби, подлую теорию. Им просто ничего не остается делать, иначе их поганой метлой выметут из истории.

А ведь о том, что Рюрик и его дружина никакого отношения к скандинавам не имели, известно было все эти века. Но правда упорно замалчивалась, ведь как минимум два столетия Россия была оккупирована немецкой аристократией во главе с Романовыми и отравлена немецкой научной школой, презиравшей все русское. Благодаря Байеру, Миллеру, Шлецеру и другим немецким историографам XVIII века вот уже триста лет мы живем не своей историей. Выдуманной! Навязанной нам извне! Легенда о неспособных править собою славянах в конечном счете позволила насадить в России позорное крепостное право и превратить миллионы людей в рабов. Большевики лишь с радостью подхватили эту черную идею и дали ей новое направление.

Роман «Велесова книга» приоткрывает завесу тайны, уважаемый читатель. Вас ждет удивительное путешествие в глубь веков! Роман познакомит вас с древней русской землей Русколанию, раскинувшейся в предгорьях Северного Кавказа, с князем Бравлином, решившим разорить греческие города Тавриды и за это наказанным слепотой, с его жрецом Ягайло Ганом, лютичем, пришедшим на Русь с берегов Балтики, когда славянские племена силой и

¹ Будучи истым православным монахом, Нестор хотел подчеркнуть, что история дохристианской Руси – языческой, идолопоклоннической! – незначительна и даже враждебна его соотечественникам. Мы, русские, приняли нашу веру от греков. Попробуйте предложить греку отказаться от Гомера, Сократа, Эсхила, Платона, Аристотеля и т. д., живших задолго до христианской эры! Куда бы вас послал тот грек? Но с какой же легкостью мы, русские, отрекаемся от своей истории и опыта предков!

² Возможно, его предок вышел из рода Рориков, славян-ободритов.

хитростью изгоняли с родных мест германцы. Позже Ягайло Ган и стал автором «Велесовой книги»³.

Одна из главных героинь романа – Анна Ярославна, дочь киевского князя Ярослава Мудрого, ярчайший персонаж средневековой русской истории! Вместе с юной княжной вы отправитесь во Францию к королю Генриху Первому Капетингу, женой которого она должна будет стать. Анне Русской, королеве Франции, ключевой фигуре в истории «Велесовой книги», посвящена значительная часть романа. Ведь это она увезет во Францию ту часть киевской библиотеки, что была написана рунами, с ней будут и дощечки жреца Ягайло Гана. Только так языческая «Велесова книга» сумеет избежать огня, ведь после смерти Ярослава Мудрого церковь несомненно сожгла бы ее.

«Велесовица» увидит свет спустя семь веков – во время Великой французской революции. Ее откроет молодой граф Павел Строганов – еще одна легендарная личность. Граф, один из самых богатых людей в России, примкнет к якобинцам и будет назначен первым библиотекарем революционной Франции! Он и найдет библиотеку Анны Ярославны. А вывезет ее в дипломатическом багаже коллекционер-уникум и чиновник посольства Петр Петрович Дубровский. Так «Велесова книга» вернется на родину и попадет в Санкт-Петербург. Затем ее владельцем станет еще один преданный своему делу коллекционер – Александр Иванович Сулакадзев. Как только норманологи XIX и XX веков не будут поливать его грязью, чтобы очернить перед историей! Потом «Велесовица» вновь почти на сто лет скроется от мира. И только для того, чтобы в 1919 году в разрушенной большевиками усадьбе дворян Задонских ее обнаружил полковник Марковского дивизиона Федор Артурович Изенбек. Но именно его друг Юрий Петрович Миролюбов, белый офицер, сделает великое открытие. Сколько подлой клеветы советские норманологи выплеснут и на него! А ведь этот человек работал не за деньги, не за чины и выгоды, а за идею. Вот его слова из письма белому генералу и ученому Куренкову: «Ваш отзыв о дощках меня так обрадовал! Уверен, они важны для Русского Дела. Но если я и работал ради этого, то не потому, что искал какой-то “чести”, а потому, что это мой русский долг». Бескорыстный старатель, истинный патриот, долгие годы создававший копию «Велесовой книги», именно Юрий Миролюбов выпустит удивительную Жарптицу на волю.

В XX веке эту книгу ждал воистину триумфальный путь! Сейчас она признана практически во всех славянских государствах. На Украине «Велесову книгу» изучают в высшей школе как древнейший памятник нашей истории. И только российское лобби норманологов всячески сопротивляется признанию древнейшего памятника. Но это и понятно: с признанием «Велесовой книги» их дипломы, кандидатские и докторские степени и тысячи книг, непростительно подло искажавшие русскую историю, придется отправить в утиль! Этого, пока живы, они допустить никак не могут.

Роман предназначен для самой широкой читательской аудитории, любящей отечественную историю и свой родной русский язык.

Дмитрий Агалаков

³ Ягайло Ган – по всей видимости, только один из нам известных авторов «ВК»; книга, как мы предполагаем, создавалась славянскими жрецами на протяжении столетий.

Пролог

Россия вновь выбирала свой путь. И как и в прошлых веках, путь этот был кровавым и беспощадным. И оттого вновь побеждало зло. На великих просторах Евразии уже третий год шла братоубийственная война, именуемая гражданской. Она уносила миллионы и не жалела никого. Русские люди вновь, как и в былинные времена, остервенело уничтожали друг друга.

Но были и яркие проблески в этой войне. Весной-летом 1919 года Добровольческая армия Антона Ивановича Деникина одерживала победы на центральном направлении. 24 июня был взят важный город юга России – Харьков. Красные бежали. Белая армия стремительно освобождала обширную южнорусскую губернию...

Именно там, проходя по лесистым равнинам харьковской земли, артиллерийский Марковский дивизион под командованием полковника Федора Изенбека и вышел к разрушенной войной дворянской усадьбе. Был полдень. Всадники во главе с командиром остановились на пологом лесистом холме.

– Ваше благородие, может,ждемся нашей артиллерии да пальнем из батареи по усадьбе? – предложил помощник Изенбека майор Чегаров. – Тут ведь красные на днях косой прошли, из господ никого не осталось...

– Думаешь, Павел Игнатьевич, залегли, ждут?

Майор пожал плечами:

– Да кто ж его знает! Видите, дымки? Стало быть, вчера тут все и было. А то и нынче утречком. Да хотя бы пулеметждемся. Резанем по нехристям! Чем черт не шутит, Федор Артурович?

Два офицера, адъютант и вестовой смотрели с холма на усадьбу. Дворянское гнездо! Свитое прочно еще в прошлом девятнадцатом веке! Белокаменный дом с портиком и колоннами, длинные флигеля. Как, верно, хороша была эта усадьба прежде, вот так же, в начале осени, когда тут кипела жизнь, бегали детки в костюмчиках с белыми кружевными воротничками, сновали дворовые, мамки да няньки, когда хозяин сидел на террасе в плетеном кресле и курил трубку, а где-то под белым зонтиком мечтала о Петербурге изысканная хозяйка! Теперь это плетеное кресло, раздавленное, валялось у колоннады. Половина окон побиты. Парк перед усадьбой в дни войны захирел. Фонтан угас. У наяды голову как оторвало. Только фруктовые сады вдалеке и радовали глаз. А так – разруха кругом. Безлюдье.

– Смертью так и тянет от этой усадьбы, – сквозь зубы процедил полковник. – Как от всей матушки-России...

Живые дымки вились и косами уходили в синее и прозрачное осеннее небо. Там догорал сарайчик, поближе тлел изорванный диван.

Недавно все было, считанные часы назад...

А сзади командира уже подтягивались другие конники. Полковник Изенбек был еще марковским офицером, одним из самых надежных. Сергея Леонидовича Маркова, легендарного генерала из плеяды главкома Корнилова, год назад убили, и в честь командира его солдаты носили прозвание «марковцы». Погиб от прямого попадания снарядом в армейский штаб и сам Лавр Георгиевич. Теперь Вооруженными силами юга России командовал еще один герой гражданской войны – Антон Иванович Деникин, ветеран недавней Великой войны, и на него возлагали надежды по освобождению России от большевистского ига.

– Когда пулемет да пушки подтянете? – вполоборота спросил своих Изенбек.

– Да скоро будут, господин полковник, – ответил ему один из полевых офицеров. – Мы ж в седлах с ветерком! Они плетутся...

– Едем, – скомандовал Изенбек. – Чего тянуть, Павел Игнатьевич, от судьбы все равно не уйти! Тут, там, какая разница?

– Побереглись бы, ваше благородие, – тихонько бросил командиру вестовой Игнатий Кошелев.

– Разговорчики! – осадил его Изенбек. – Едем!

Офицеры переглянулись. И конный отряд двинулся рысью с лесистого холма к усадьбе. Многие держали наготове револьверы и винтовки. Но напрасно! Дом и впрямь был брошен, и было такое ощущение, что уже навсегда.

– Банников, осмотреться! – скомандовал Изенбек. – Флигеля, пристрой, сарай! Усадьба большая! Ни одного уголка не упустить! Не ровен час...

Во дворе всадники попрыгали с лошадей. Изенбек разглядывал иссеченный пулями фасад и колонны.

– А бабу-то каменную всю расстреляли, – вздохнул вестовой Кошелев. – Жалко...

Осколки расстрелянной головы лежали тут же.

– Не сдюжила наядя, – с горькой усмешкой заметил Чегаров. – Ой, варвары! – Майор подошел к ступеням. – Что ж. – Он перекрестился. – Мир этому дому! Заходим, Федор Артурович?

– Да чего уж у парадного толкаться, пошли, – кивнул Изенбек. – Игнатий, – позвал он вестового, – идем смотреть. Револьвер держи наготове. Может быть, тут и переведем дух...

Они вошли в дом. Просторный холл с колоннами был усыпан битым стеклом, изодранными книгами, рукописными листами, ломаной мебелью. Точно смертоносный ураган залетел в дом, прошелся по нему и вылетел вон...

Два офицера и вестовой двинулись по центральной лестнице наверх... И на втором этаже натолкнулись на того, кто должен был сидеть на веранде и курить трубку. Хозяин уткнулся лицом в паркет, в кровавую лужу. Его застрелили в затылок. Рядом валялось сломанное охотничье ружье. Было видно, что хозяин защищался. Чуть поодаль в огромном старомодном платье, раскинув руки, лежала зарубленная старуха в чепце. Крови было много...

– А-я-яй, – покачал головой вестовой Кошелев.

– Это ведь сегодня случилось, – сказал Чегаров. – Часа два-три назад...

– Именно так, – подтвердил Изенбек. – Кровь даже не запеклась...

За ними внизу в дом входили уже и другие офицеры и солдаты. Изенбек пошел в сторону библиотеки – увидел краешек стеллажей в открытые двери, а майор перешагнул порог гостиной.

– Бог мой! – воскликнул Чегаров, и голос его неприятно резанул Изенбека. – Жалость-то какая, горе-горькое, Федор Артурович, да что ж это такое? Не могу я привыкнуть к этому, хоть полжизни воюю! Никак не могу...

Вошел в гостиную и запричитал Игнатий.

– Да что там? – развернулся на полпути полковник.

– Девочки тут...

– Какие еще девочки?

– Да хозяйские дочери, видать, – вздохнул майор Чегаров. – Снасильничали их большевики, а потом штыками искололи...

Изенбек вошел в гостиную. Он видел многое. Но зрелище все равно оттолкнуло его. Оскорбило до глубины души! Несправедливо было это, страшно было...

Так они и простояли около минуты в молчании.

– Распорядитесь похоронить семью, – холодно процедил полковник и вышел прочь.

Изенбек шел в библиотеку, пытаясь выкинуть увиденную картину из головы. «Что толку убиваться? – зло думал он. – Мстить надо! Так же страшно, бескомпромиссно, так же наверняка! К черту все! К черту!..»

Уже скоро полковник Изенбек разглядывал старинные корешки роскошной библиотеки. Да, тут тоже похозяйничали вандалы и душегубы, часть книг валялась по полу, но все

же библиотека была для большевиков чужой епархией. Ненужной им! Порвали штыками фолианты, и будет. Не сожгли, и то хорошо. А какие тут были книги! Не душещипательные романы, коими утыканы все библиотеки помещичьих усадеб. Тут были книги богословские, философские, труды по математике, истории, географии. Не простые читатели жили в этой усадьбе!

У рабочего стола с разбитой лампой под сапогами полковника Изенбека захрустели щепки. Он взглянул под ноги. Куски дерева. Разбитые дощечки. Рухлядь. Присмотрелся: на осколках – обрывки древних букв. И только затем у стены Изенбек увидел большой ящик, набитый деревянными дощечками. Часть их была рассыпана по полу.

Федор Артурович поднял одну из них. Странной была она! И очень старой... Шрифт непонятно какой-то, похожий и на руны, на черты и резы, и на санскрит, все буквы под линией и все друг за другом без интервала. То ли выжгли эти буквы, то ли прорези были засыпаны угольной пылью и затерты воском. Он, до войны человек искусства, и не знал и не ведал такой технологии! Да и не могли ведать о ней его современники! Изенбек понял сразу: дощечки были не просто старыми – древними! Их края обточились, как столетиями точится в прибрежных волнах морской камень о другие камни, пока не превратится в голыш...

Многие были раздавлены, по ним уже походили красные...

Прочитать надписи полковник Изенбек не умел, и оттого еще любопытней становилось содержание таинственных дощечек.

– Игнатий! – громко позвал вестового Изенбек. – Игнатий!

Тот очень скоро появился на пороге библиотеки.

– Слушаю, ваше превосходительство!

– Похоронить хозяев распорядились?

– Так точно! Мы еще покойников из домашних нашли.

– Кого?

– Хозяйку нашли, царство ей небесное, кухарку ихнюю, дворника что ли...

– Ты прав: царство им небесное, – мрачно проговорил Изенбек. – Ты вот что, Игнатий, найди мешок поплотнее и вот эти дощечки собери в него все до единой.

– Какие дощечки?

– А ты подойди сюда, – он поманил вестового пальцем.

– Мусор этот? – кивнул на дощечки вестовой.

– Это приказ. Понял, солдат? – В голосе полковника прозвучали строгие нотки, Игнатий хорошо знал, откуда они и к чему: командир, когда надо, был строг!

– Так точно! – шелкнул он каблуками.

– Выполнить немедленно. С убитыми и без тебя разберутся. И вот что, – он потер подбородок, – храни их так, как будто золото-серебро тебе досталось. Все понял?

– Так точно! – вновь гаркнул понятливый вестовой.

– Молодец. После похорон тризну устроим, заодно всех наших и покормим. Надо бы в подвалы заглянуть, может, вина какого раздобудем на поминки, хотя вряд ли: большевики ничего бы не оставили... – Он открыл двери на балкон, и одно из треснувших стекол рухнуло, едва руку не посеколо. – Как же звали этих несчастных господ?

– А я знаю! – выпалил Игнатий. – Там, в саду, старик прятался. Их приживала, видать. Он и сказал...

– Ну? – обернулся с порога на балкон Изенбек.

– Задонские, господин полковник. Так старик сказал. Плачет сейчас. Древний совсем! Сокрушается, что хозяина пережил...

Наступая в разбитое стекло, Федор Изенбек вышел на балкон. Двор бурлил армейской жизнью. Туда же выносили тела убитых хозяев. Они были спеленаты в простыни и покрывала. Так их и положат в землю – гробы строгать времени нет. По округе неслись окрики

его солдат, ржали уставшие от перехода лошади. Сюда же, к усадьбе, подходили и другие солдаты его дивизиона. Осенний ветер доносил пронзительную свежесть. На этом кладбище прошлой жизни и просто на кладбище, на одиноком островке их ждали отдых и короткий сон. А рано утром в поход.

«Они еще пойдут на Петроград и Москву! – так сейчас думали и полковник Изенбек, и майор Чегаров, и другие офицеры и младшие чины Доброармии. – Дай-то Бог, так оно и случится!»

Через три дня они возьмут Екатеринослав, еще через три дня – Царицын. А осенью – Курск, Воронеж, Чернигов, Орел... Белая армия и впрямь уже двинется на Москву и Петроград и попытается выбить нечисть с русской земли. Красные станут готовить бегство к Вологде. Но все изменится так быстро! предадут союзники, белая армия источится бойцами. А Ленин и Троцкий террором и посулами большевистского счастья будут гнать русских на войну с русскими. И все перевернется вверх дном: история страны и жизнь ее людей. Самым роковым образом!

Стоя на балконе помещиков Задонских, полковник Изенбек еще не знал, что долгожданного чуда не случится. Не даст его своим беспокойным сынам Господь! Что не видать им ни Родины, ни счастья. Что великий корабль по имени Россия уже получил смертельную пробоину и медленно идет ко дну. Не знал полковник Изенбек, что уже к зиме большевики перейдут в наступление, и вновь Добровольческая армия покатится, но теперь назад, к спасительному Черному морю. К тому времени майора Чегарова уже не будет на свете – его убьют под Царицыным. Не знал Федор Изенбек и того, что в скорых боях, во время отступления, они растеряются с вестовым Игнатием Кошелевым, и он, полковник без полка, беглец, уже попрощается с таинственными деревянными табличками.

А потом на берегу Черного моря будет эвакуация, давка – так осколки белой армии уходили с родной земли. Все случится там, в Крыму, когда Изенбек уже сядет на корабль «Черноморец», и тот даст пронзительный гудок. И тогда он увидит Игнатия, пропавший вестовой будет искать, выглядывать кого-то в этой толпе. В руках Игнатия – вот же чудо! – будет знакомый мешок. Изенбек окликнет его – перекричит толпу! И вестовой увидит хозяина. «Федор Артурович! – крикнет он. – Я ж их, доски ваши, как зеницу ока берег! Нужны они вам еще?» – «Кидай! Кидай!» – что есть силы заревет Изенбек. А пароход, давая гудок за гудком, уже будет отходить от причала. И Кошелев, размахнувшись, бросит ему мешок, и полковник Изенбек поймает его. Он будет держать мешок с дощечками и смотреть, как слезы катятся по лицу его вестового, которого ему больше никогда уже не увидеть.

Как и его Родины, России...

Глава первая. Опальные боги

О, вечное несогласие единокровных братьев! Сколько бед и несчастий сеял раздор между теми, кто должен был бы жить в мире и дружбе! Но честолюбие и гордыня – два ненасытных зверя, пожирающие сердца людей от века. Гордый вождь племени согласится, скорее, пойти на сговор с чужаком, чем помириться с братом, признать его равным себе и простить былые обиды! Лютичи и бодричи – два крупных союза славянских племен, чьи земли простирались вдоль Балтийского моря, воевали друг с другом испокон веку, и не было видно конца и края этой распри! Их многовековая вражда на исходе VIII века от Рождества Христова стала роковой для всего западного славянского мира. А раздувал пламя этой вражды ненасытный завоеватель Карл. Он был королем франков и не ведал предела своим желаниям.

Пылающая и жестокая звезда с юности звала его за собой!

Нет сомнений, для своего племени Карл был величайшим вождем. Для разрозненного племени германцев! Год за годом он создавал могущественную империю в Западной Европе. Его мощь и дар провидения были той великой силой, что стягивала германцев воедино – и подчас против их воли! В конце VIII века Карл уже был и королем лангобардов, и герцогом Баварии. Он остановил сарацин у Пиренеев, завоевал все пограничье и основал Испанскую марку. Карл разбил аваров – сильнейшее азиатское племя на территории Европы. Перед королем франков в почтении склонили голову Италия и сам папа римский. Огнем и мечом Карл усмирять и укрощал бесчисленных саксов – дикое и своевольное племя германцев. Войны с ними продолжались десятилетиями, и Карл щедро заливал кровью земли непокорных! Озаренный идеей создать единый германский мир, одних язычников-саксов он убивал, других тысячами уводил на свои земли, а франков переселял на земли покоренных и рассеянных саксов.

Это был не ведающий жалости правитель!

В кровавых походах против саксов Карлу помогали его давние союзники – большое славянское племя бодричей. Или ободритов. Целый союз племен! У бодричей еще существовало и прозвище – рароги или рорики, что означало «соколы». Они, язычники, несмотря на разную веру, считали католика Карла своим другом; и, как люди свободные, говорили с ним на равных. Их владения простирались ближе других к империи Карла, а сразу за ними на восток шли владения другого племени – лютичей. Римляне называли их, как и других прибалтийских славян, венедами, а Балтийское море – Венедским морем. Столицей бодричей был город Рорик, столицей лютичей – Старгард. Севернее лютичей и бодричей жили только самые лучшие мореплаватели Венедского моря – руяне. Это славянское племя жило особняком, потому что занимало гористый остров Руян. Сами руяне не знали себе равных как мореплаватели и морские бойцы. К острову Руяну боялись подступиться даже воинственные датчане! У руян была неприступная столица-крепость Аркона, в которой располагалось святилище бога Святовита. Восточнее лютичей, вдоль Балтики, располагались обширные земли поморян, лучших рыболовов, затем поруссов, эстов и других племен.

Но именно союзы бодричей и лютичей главенствовали над остальными западными славянами, именно они в 789 году, сразу после саксонцев, и стали целью Карла Великого. Король франков был хитрым правителем и мудрым военачальником! Саксы в свое время оказались в клещах между франками и бодричами – и Карл беспощадно раздавил их. Теперь же император взял с собой часть покоренных саксов, все войско бодричей, которое возглавлял князь Волчан, лужицких сербов и двинулся на земли непокорных лютичей.

Завоеватель перешел Лабу и вторгся в землю неприятеля.

Чересчур великим было воинство Карла! Лютичи дрались храбро, но проигрывали одно сражение за другим и сдавали свои племенные крепости-городки. И везде Карл брал себе заложников из наиболее родовитых семейств лютичей.

Когда король франков был в одном переходе до Старгарда, жители стали покидать столицу. Ведь за франкским королем шли ненавистные язычникам-славянам, поклонявшимся Сварогу, люди в темных одеждах с капюшонами и странным крестом на груди – жрецы непонятной им религии! А лютичи уже знали: там, куда приходят жрецы в темных одеждах, там горят в огне их деревянные, покрытые золотом боги! И горе тем, кто не захочет отвернуться от веры предков! Их тоже ждет расправа.

Лютичи покидали не только свою столицу – Старгард. Многие земли! Лютичи уходили остатками отдельных племен, и семьями, и в одиночку! Кто куда держал путь! Целые караваны повозок тянулись прочь с родной стороны. Лютичи увозили не только скарб, но и своих богов. Вырывали статуи из земли и складывали на телеги. Боги, веками служившие роду, не должны были попасть в руки хищных франков.

Деревянных богов ожидало беспощадное пламя!

Конечно, далеко не все лютичи готовы были так стойко хранить верность вере отцов. Но если иные князья и ратники позволяли себе предать старых богов и преклониться перед новым Богом, то жрецы славян-лютичей этого сделать никак не могли. Они бы скорее умерли, сами сгорели бы в огне со своими богами!..

В двух повозках, увозя нехитрый скарб, уезжала из Старгарда и особая семья. Бежал из родного города Ярило Ган Старший – верховный жрец Сварожича, бога Солнца, сына верховного бога Сварога.

Отец и старший сын, препоясанные мечами, ехали на лошадях. Начинался октябрь – он принес первые затяжные дожди. А впереди были дожди проливные! Скоро дороги размоет, но это и к лучшему! Там, где проползет одна повозка, большая армия застрянет надолго, не сдюжит и повернет назад. В повозке, прижав к себе закутанную в шерстяное покрывало девочку, тихо плакала женщина – жена одного мужчины и мать другого. Крепкий широкоплечий слуга, с ножом у пояса, управлял крытой повозкой. Мальчик, сидевший позади телеги у открытого полога, то и дело тянул голову назад – к родному дому. Он был растерян и напуган. Бегство всегда лишает воли! Мальчик прощался с домом. Там, уже в отдалении, одиноко стоял на широком возвышенном плато их город – Старгард. Над ним открывалось серое, затянутое пеленой небо, и синие громады туч ползли со стороны Северного моря. Мальчик до рези в глазах всматривался в очертания города. Окруженный деревянной стеной, с башнями и островерхими крышами, с деревянными хорами внутри, за мелким дождем Старгард казался призраком.

Скоро все это должно было стать чужим!

Кажется, одного только отца не беспокоило то, что осталось позади. В суровом плаще с наброшенным капюшоном, с густой бородой, отец мальчишек смотрел вперед. Наконец старший из сыновей, тот, что был рядом в седле, не смог сдержаться.

– Куда же мы теперь, отец? – спросил он. – Ты так и не сказал нам! – В его голосе звучали и гнев, и отчаяние, и желание понять своего отца. Бури сейчас бушевали в душе крепкого юноши, препоясанного мечом. – Почему мы бежим?!

Было видно, что молодая кровь бурлит в нем, что сердце его разрывается от бушующих в нем страстей.

– Уж не осуждаешь ли ты меня? – нахмурился отец.

Юноша потупил взгляд, желваки ходили по его скулам.

– Говори прямо, сын, – спокойно потребовал ответа отец.

Мальчик в повозке посмотрел на них. Юноша порывисто оглянулся назад – родной дом не отпускал и его!

– Почему мы не остались защищать наш город? Почему, отец?! – вдруг настойчиво спросил юноша. – Мы же могли отправить мать и детей с другой нашей родней в земли величан? А сами... сами...

Лицо крепыша-слуги посуровело – он во всем готов был поддержать хозяина, но сейчас сердцем он думал точно так же! Ему, старому воину, тоже хотелось драться!..

– Погибнуть? – спросил отец.

Но юноша не отвечал. Отец терпеливо ждал ответа. Вдруг старший сын устремил на отца волевой, почти гневный взгляд.

– Или победить! – вдруг разом вспыхнул он.

– Прошу вас, не ссорьтесь! – прижимая к себе плачущую девочку, попросила мать. – Прошу вас...

– Погибнуть, – управляя конем, уверенно кивнул отец. – Так должны были поступить истинные лютичи. – Ирония звучала в его словах. – Разумеется! Так поступил князь Годолуб со своей дружиной. И многие другие князья!

– Да, отец! – сжимая удила, прорычал юноша. – Да!

– Значит, ты осуждаешь меня, – кивнул отец. – Так вот что я тебе скажу: мы с тобой не князья – это им принадлежат крепости и озера, реки и леса, кузни и табуны лошадей. Им надо драться до последнего – потеряй они это, что у них останется? Будут ли они называться князьями впредь? Хозяевами великих угодий? Земля и крепость – твердыня князя. Поэтому самые храбрые погибают на своей земле! А другие остаются и склоняют головы перед врагом, чтобы им оставили землю их отцов и дедов. Но мы – другие, – он недоумевал оттого, что его родной сын не хочет понять его. – Совсем другие!

– Другие – чем?!

Отец усмехнулся:

– У нас нет выбора! – Отец улыбнулся самому себе. – И нам, Ягайло, принадлежит весь мир!.. – Он подбирал для сына особые слова: они должны были коснуться и его разума, и сердца! – Мы – жрецы Сварога, создателя земли и неба, отца всех богов! Мы – жрецы сына Сварога – Сварожича, Дажьбога! Жрецы Солнце-царя! Мы – жрецы Перуна, бога-воителя! Мы – дети Велеса, бога, ведающего всеми тайнами мира! Так было испокон веку. Такими были мой отец и мой дед! И отец, и дед моего отца! Весь мир – с этим темным небом и дождем, – он кивнул вверх, ловя горячим лицом капли дождя, – наша обитель! Ты пока еще не понимаешь этого! Или не хочешь понимать! И, видят наши боги, и они мне свидетели, меня сильно настораживает и огорчает это! Пойми же! Наша земля иная, Ягайло! Наша земля – земля наших богов! И наша власть – выше княжеской власти! Мой младший брат Клаврат, жрец Велеса, и мой старший сын Ярило, ваш брат, будущий жрец Сварога и Сварожича, не послушали меня – они взяли мечи и ушли воевать! Где они теперь? В какой могиле зарыты? На какой земле? Разве теперь они смогут развести огонь в святилище Дажьбога, где бы оно ни было?! Прочитать хвалу Солнце-богу и попросить у него за своих соплеменников, за весь свой род, за будущих детей, когда в том будет надобность?!

Мать горько всхлипнула и утопила лицо в тряпках, в которые была закутана девочка.

– Скажи мне! – потребовал отец. – Разве они смогут прочитать те слова, которые ведомы только нам – жрецам! И не ведомы остальным! Они схватили мечи и бросились на проклятых франков! Они сделали то, что мог сделать любой ратник! И вот их нет! Но Клаврат был сам хозяин себе! А Ярило?! Он должен был послушать меня! Но теперь нет ничего, что я когда-то подарил ему, как мне подарил мой отец! Великих знаний! Все ушло с ним! Навсегда...

Пока он говорил, крепыш-слуга утвердительно качал головой – теперь он точно знал, что хозяин прав! Прав всегда... Юноша в седле, поджав губы, упрямо молчал.

Отец сокрушенно покачал головой:

– Думаешь, мое сердце не разрывается от того, что я потерял брата и старшего сына? Или у твоей матери?! Она потеряла первенца и теперь страдает сильнее всех остальных!.. Запомни, сын. Если останется племя, оно выберет себе нового князя, но если у народа не останется жреца, духовного водителя, кто соединит племя с богами? Кто укажет племени путь? Никто... Мы – жрецы всемогущего Солнца. Так было и так будет. Любим – кроха. – Он кивнул на мальчишку в повозке. – Вся моя надежда на тебя. Ты должен слушаться меня... Слышишь, Ягайло?

– Да, – хмуро кивнул тот.

– Вот и хорошо, – вновь кивнул отец. – И да пребудут с нами наши боги! Если боги будут милостивы, может быть, мы однажды вернемся в родной дом... Что скажешь, Скиф? – спросил он у верного слуги.

Возница насупился. Слуга плохо верил в добрый исход. И даже если им суждено вернуться в родной дом, то не на пепелище ли придут они?

– Но ты так и не сказал, куда мы держим путь? – спросил Ягайло.

– Я никогда не думал о бегстве. Даже не мог предположить такого! Но свет велик, сын, и мы найдем себе место. Я думал отправиться в Аркону, но, боюсь, рано или поздно они тоже примут удар врага. Злые датчане, терпевшие от них в прошлом, желают рюксам смерти! Мы пойдем дальше. Мы отправимся на самый край нашего мира – в Гардарику! Так эту страну зовут жители Варяжского моря! Мы уйдем в Страну городов!..

Мать посмотрела на мужа. Взглянул на хозяина и слуга Скиф. Дождь стал сильнее. Он бил и бил по капюшонам наездников и возницы, по крытой дубленой шкурой повозке.

– Но ведь она очень далеко? – вымолвил Ягайло.

Кажется он выразил общее мнение.

– Да, она далеко! – продолжал вооруженный мечом жрец. – Но там мы будем в безопасности. Туда не дойдет враг всех славян – злой и вероломный Карл!

Решившие стать изгоями, лютичи оказались правы. Им будет не по плечу совладать с Карлом Великим. Ведь он и впрямь был великим королем – он видел дальше других, и от его поступи содрогалась земля! Так куда было тягаться с могущественным германским императором разрозненным племенам славян, где каждый князь думал, что он и есть пуп земли! Тем более с императором, сумевшим объединить племена германцев одной верой!

Саксы и лютичи станут только очередным препятствием на пути великого короля. Каждый новый шаг будет вести Карла к заветной цели. А цель у него была одна – завладеть миром! Построить под своим началом величайшую христианскую империю.

Риму эта идея понравится, и еще как! В 800 году папа римский оденет на голову Карла императорскую корону! До этого такую корону носили только императоры Византии. С тех самых пор Карл Великий станет законным хозяином всего запада! Еще прежде он возмечтал взять в жены византийскую царицу Ирину и позже объединить два христианских мира в один! Разумеется, подогреваемый папским престолом, Карл желал смешать оба мира в один и переплавить его на католический лад! Но Византия отказала ему в этом удовольствии, ограничившись обручением дочери Карла с наследником греческого престола – Константином.

Это лишний раз убедило Карла, что нужно действовать силой.

Наивные бодричи до последнего будут думать, что Карл их друг! Но у великих владык друзей не бывает! В лучшем случае – покорные слуги. А в худшем – рабы.

Карл был великим владыкой – и все славянские племена он уже видел своими рабами. После лютичей придет очередь союзников Карла – полабских сербов. Но они не захотят стать рабами Карла Великого. В 806 году в войне с франками героически погибнет сербский князь Милодух. И вновь бодричи, ничего не зная о своей будущей судьбе, поддержат Карла!

А затем наступит очередь и самих бодричей...

Когда датчане и их союзники нападут на бодричей, ослабленных войной, Карл не поможет своим вчерашним союзникам. Франки будут стоять по границам земли бодричей и смотреть, как те погибают.

Земля славян впереди уже будет объята пожарищем, и ветер, как покажется многим франкам, станет доносить до границы крики тысяч погибающих людей.

И тогда сын короля, молодой принц Карл по прозвищу Юный, воскликнет:

– Отец! Разве мы не придем на помощь нашим союзникам? Бодричи всегда помогали нам! Сражались с нами плечом к плечу! Ведь они погибнут?!

Но Карл Великий, сидя в седле боевого коня и глядя на восток, только усмехнется:

– Ты пока еще юн, мой сын, и полон светлых надежд. Но для государя это недопустимая роскошь. Помни, все в мире решает только одно: равновесие сил! Пусть обессилят наши враги – датчане! Бодричи сделают свое дело: они храбры и сильны, мне ли не знать! Но им тоже пора набросить петлю на шею! Они должны покориться или уйти в небытие!..

Хитрый и расчетливый Карл Великий решит: пусть датчане сделают кровавое дело за него – все равно его делать! – а он пройдет по опустошенным землям своих недавних друзей, чтобы на них властвовать безраздельно.

Все это случится в ближайшие два десятка лет.

А пока что многие лютичи и другие славяне, не пожелавшие попасть в рабство, но в первую очередь – изменить вере предков, шли на восток. Они были правы – Карлу туда было не дойти! Чересчур далеко! И потом, облик мира менялся – и не только по прихоти Карла Великого!

Будет еще и другая веская причина!

Карл сделает попытку углубиться в земли славян, огнем и мечом покорить их и окрестить, но его поход прервет важнейшее для всей Европы событие. Скандинавские племена – датчане, шведы и норвежцы, – именовавшие себя викингами, численностью перерастут свои территории. Их уже давно было много, и они то и дело нападали на материк. Молодые викинги, которым не хватало места на своей земле, объединялись в бешеные ватаги, сажались в драккары и плыли куда глаза глядят! Ненасытные и жестокие, они презирали смерть и готовы были в любую минуту умереть с мечом в руках. Это было величайшим благом для викинга! И меньше всего они ценили жизнь других. Викинги не ведали жалости ни к женщинам, ни к детям. Они не искали ничьей дружбы, им не нужно было покорять, дабы властвовать! Они просто вырезали всех, кто попадался им на пути. Даже король франков Карл не был так жесток – за викингами оставались только пепелища!..

Первым, что увидят на своем пути эти самые викинги, или норманны – северные люди, лютые дикари, окажется Англия, и, что чудеснее всего для них, – теплая и благословенная земля франков, которая уже скоро будет зваться Францией! Викинги будут проникать по ее рекам и однажды возьмут в осаду сам Париж – к тому времени небольшую крепость на острове Сите в середине Сены. Викинги будут безжалостно грабить и уничтожать население, они станут для Франции еще худшей чумой, чем был Карл Великий для саксов или славян. Именно эти нашествия, которые только еще начинались и которые будут продолжаться два столетия, и положат конец завоеваниям Карла Великого на востоке и заставят его обратить внимание на свои исконные земли. Это случится уже очень скоро!..

А пока что повозка с семьей жреца лютичей Ярило Гана двигалась на восток. Лютичи шли туда, куда и викинги редко сovali нос! Потому что там им спуска не давали! Те земли надежно охранялись дружинами своих князей. Но главное, лютичи уходили в земли тех славян, которые молились тем же богам.

Они уходили к своим восточным братьям – в Гардарику, Страну городов!

– Я уверен, – говорил своим родным жрец Ярило Ган, – братья-славяне встретят нас радушно! Мы найдем среди них и хлеб, и кров! Все так и будет – я верю в это!

«И пришли мы от Старгарда к озеру Ильмень. Братья-славены встретили нас, детей Сварога, волхвов его верных, с великой радостью, – на дощечке, покрытой воском, выводил крепкий бородатый мужчина в длинной полотняной рубахе. Он сидел за крепким дубовым столом у открытого окна – на реку и лес, на легкие облака, текущие в густой лазури. Перед ним лежали покрытые воском дощечки – такие используют для первого письма, как черновик, второе наносят резцом на березовые дощечки. На волевом лице мужчины читались отголоски бурь прошлых лет. Белый шрам пересекал левую скулу. Такой шрам оставляет только скользящий удар меча! Он был суров, но дуновение майского ветра вдруг и разом оживило его лицо и подарило ему молодость. – Нашли мы с тех пор среди них и хлеб, и кров! И до сих пор благодарим за то его, Сварога, первого пращура нашего, жизнь роду человеческому давшего; небесный источник нашей силы благодарим!..»

В длинной белой рубахе, подпоясанной алым кушаком, он встал из-за стола и подошел к окну и сразу поймал лицом тепло майского солнца. Мужчина счастливо закрыл глаза, улыбка тронула его губы... Ему было лет сорок пять, но его крепости и стати мог бы позавидовать любой молодец. Широкие плечи, сильные руки. Длинные волосы, уже побитые редкой сединой. Темно-синие глаза...

Далеко на реке мужики в рубахах тащили невод. Ближе, на зеленом лугу, водили хоро вод девушки. У каждой – тугая коса – признак девства. Игра гуслей разносилась по округе. Сколько же лет прошло с тех пор, как они прибыли на север Славинской земли? Более тридцати! Его отец Ярила Ган, жрец Сварожича, бога Солнца, уже растворился в вечном свете, ушла за ним и мать. Любим не нашел в себе силы идти по стопам отца – он стал воином, вместе с князем Бравлином ушел воевать на запад и не вернулся. Виру отдали замуж и увезли ее в далекий град Кий. А вот он, Ягайло Ган, не встретил той, с которой, как его отец, решил бы стать одним целым.

Всю свою жизнь он посвятил службе своим богам. Старшие сыновья в семьях жрецов становились жрецами создателя земли – Дажьбога или Сварога, и его сына – бога Солнца – Сварожича; младшие – Перуна, Велеса, Коляды. Ярило-младший, которого отец с младости готовил службе богу Сварожичу, погиб в битвах с франками и бодричами. Он, Ягайло, должен был бы занять место старшего сына и стать жрецом бога Солнца. Но случилось иначе. Конечно, он возносил хвалу Сварожичу, исполнял службы, но еще с юности сердечную тягу он почуял к Велесу, богу-чародею, с которым по рождению должен был получить сакральную связь. И он получил ее!

Но пришли новые времена. И теперь боги лютичей и славенов отвернулись и от него, верховного жреца, и от всего его племени...

Ягайло глубоко вздохнул. Мир, сотворенный богами пращуров, менялся на глазах. Светлый и понятный мир, рожденный верховным богом Сварогом, ведомый Сварожичем, вдохновленный Веселом, охраняемый Перуном, напоенный молоком Матери Сва, вдруг дал трещину. И случилось это совсем недавно! Ягайло Ган пытался понять те силы, которые изменили привычный ход событий. Пытался и не мог этого сделать... Какие же события предшествовали крушению его мира?.. Глядя на девичий хоровод и рыбаков у берега реки, Ягайло почувствовал, как легкая пелена вдруг затуманила его взор. Он слышал звон мечей и крики погибающих в схватке воинов. Сколько было этих схваток? Не счесть! Сотни! Тысячи! В пожарищах пылали города славян! Жизни многих поколений переплавлялись в этом огне! Иногда казалось, что уже не родиться новым родам, но боги давали все новые силы, и один и тот же народ воскресал подобно птице феникс, но уже на иной территории, на иной земле, иной родине...

Сгорали в огне скифы и сарматы, саки и массагеты, но поднимались из пепла венеды и аланы, раны и роксоланы и, конечно, анты – прямые потомки славян! Не просто так про-

ходили те перерождения! Были великие муки и страдания! Была ярость! Был великий гнев! Было счастье и отчаяние! Все испытали они! Не было только смерти и забвения! Ведь смерть одного человека – это не смерть! Человек жив своим родом! Погубить человека может враг, тот же враг может истребить целое племя! Но погубить род могут только боги! Но как бы могущественные боги не гневились на своих неразумных детей, в последний момент они спасали их древний род из огня...

Отсветы былых пожаров бушевали в темно-синих глазах величавого мужа. Что же видел он в прошлом?..

Когда-то раскинулось в причерноморских, приазовских и прикаспийских землях обширное государство славян. Сердцем его стало благодатное пространство вокруг реки Кубань, а простиралось оно от предгорий Северного Кавказа на юге до переволоки с Танаиса до Итиля⁴ на севере. Звалась та великая славянская земля Русколани. Она существовала столетия. Эта земля была сильной и могущественной и храбро отражала удары недругов. Князья Русколани боялись многие! Много было имен у той земли: в разные времена ее звали и Белогорьем, издревле – Скифией, ведь когда-то, в прошлые века, скифы жили от Азова до Алтая! Позже ее называли Сарматией. В годы, предшествовавшие великим бурям, в Русколани правил легендарный царь Бус Белояр. Иные говорили, что он принес из Греции веру в Христа и соединил ее с верой ведической. Но так ли это было? При Бусе Белояре государство славян было истинной твердыней.

Но величие, благополучие и счастье не бывают вечными ни в жизни людей, ни в жизни государств. Всему рано или поздно наступает конец. Но прежде приходит долгое и мучительное начало тому поражению...

В четвертом веке на исторической сцене появился великий предводитель готов – Германарих. Тогда еще готы, и восточные, и западные, были одним германским племенем. Их и объединил своей энергией и честолюбивыми замыслами этот король. И, конечно, главным противником его стали славянские княжества, раскинувшие свои земли от устья Итиля до Данаприса. Поначалу Германарих скрывал свои корыстные планы, и между германцами и славянами даже был заключен династический мир. Бус Белояр отдал в жены старому Германариху свою юную сестру Лебедь. Германарих – по рассказам послов, описавших ее внешность – возжелал славянскую красавицу! Позже много говорила молва о неудачном династическом союзе, в том числе и о том, что Лебеди полюбился сын Германариха – Рандвед. Что бежали они от взбешенного короля, но тот настиг их. Сыну и наследнику Рандведу король приказал отрубить голову, а Лебедь – бросить под копыта необъезженных диких коней. Так погибли два молодых и влюбленных сердца! А мстительный Германарих напал на ставших ненавистными ему славян и подвластные им земли. Так говорила молва! Но, скорее всего, жадный король просто возжелал славянских отчин! Много пролилось крови и германской, и славянской. Наконец против Германариха вышли со своими войсками князь Словени и князь Русколани Бус Белояр. Им помогали и другие славянские племена. Германарих был разбит и отброшен. Это поражение заставило его покончить жизнь самоубийством.

Но готы нашли возможность отомстить – и отомстить жестоко.

Крутилось заповедное колесо Сварога, менялись эпохи. День Сварога уходил в прошлое, наступала ночь Сварога.

Готов возглавил новый король Амал Венитарий. Отец его был германец, мать – венеда. А как известно, полукровки особенно жестоки! Амал собрал большое войско и напал на антов. Славяне отбросили его за пределы своих владений. Но недолго роды славян праздновали победу и мир и возносили хвалу своим богам. Амал Венитарий был упрям, мстителен и хитер. Он выждал время, когда противник успокоился, собрал еще большое войско и вновь

⁴ Танаис – Дон, Итиль – Волга.

напал на славян. Как часто победители бывают ослеплены своей удачей! Второго удара анты не ожидали. В жестокой битве их полегло много. Бус Белояр попал в плен. Он был распят на кресте, а с ним – и все его старейшины, их сыновья и приближенные.

Это был черный день в мире всех славян! В ту ночь, когда на кресте умирал Бус Белояр, когда он смотрел в небо и звал праотца славян Сварога, над землей разразилась страшная буря. А потом случилось и еще более ужасающее землетрясение. Оно прошло по многим землям! Многие царства дрожали в ту ночь и многие племена ужаснулись! Рушились города! Десятки тысяч людей погибли под обломками. Сам Константинополь пострадал от подземных толчков! Так было...

Но что случилось в тот день на небе и на земле? Это окончательно повернулось Колесо Сварога – и наступила его непроглядная Ночь, когда люди, дети Сварога, вступали в долгую полосу холода и мрака. В такие эпохи только надежда может спасти человека!

Мир уже менялся – и менялся на их глазах! И можно было услышать в тех переменах трагическую песню: «Прощай, древняя Русь! Прежней тебя уже не будет никогда! Прощай, Русколань, земля отцов и славных подвигов далеких предков! Прощай, Русколань, родная песня славянского сердца! Прощай, Русколань!..» Русь Буса Белояра навсегда ушла в прошлое – и лишь едва слышные отголоски той великой эпохи дойдут до потомков древних славян.

Германарих был только предвестием куда более страшной и роковой беды! И не только для славян, но и для всей Европы. Десятки больших народов и сотни гордых и воинственных племен должны были раз и навсегда изменить свою жизнь.

В конце четвертого века пришли из Азии племена народов хунну, которых позже назовут гуннами. Они тяжело прокатились по многим европейским землям. Разгромили античные города Черного моря и Азовского, разрушили Боспорское царство, вступив в затяжную войну с антами, аланами, роксоланами и другими племенами Русколани, частью покорили, частью истребили их. Других – изгнали. И только потом пошли дальше на запад, пока не остановились в Паннонии – римской провинции. Из Паннонии они выставили племена вандалов – римских конфедератов, и те в свою очередь начали свой жестокий путь по миру. На первых порах гунны сами стали конфедератами Западной Римской империи. Но четвертый век был только предысторией великих бед, которые должны были потрясти Европу!

Сама история человечества ждала пятого века! Близился кровавый и страшный век Великого переселения народов! Никто не ждал крушения мира, а он уже держался на волоске!.. «Прощай, Русколань, прощай навсегда!» – пели славянские баяны и волхвы.

В стране Хунгарии⁵, где обосновались гунны, должен был родиться великий правитель, сотрясатель земли и неба. Он увидел свет в самом начале пятого века в семье царей гуннов, и звали его Атилла. Но и самих гуннов, ловких наездников и отважных и жестоких бойцов, должно было родиться ровно столько, сколько бы хватило для великих завоеваний. Повзрослев и почувствовав в себе великую силу, Атилла решил объявить войну всему миру. Собрав воедино свои племена и чужие, он двинулся в первый поход.

Для удара он выбрал Восточную Римскую империю.

Атилла напал на Иллирию, где жили подвластные Византии славянские племена, и завоевал их. Атилла не был, как говорила молва, безумным и жестоким монстром: всех готовых идти с ним дальше он делал своими слугами, и только сопротивлявшиеся вождю не знали пощады. Империя Атиллы росла как на дрожжах! Второй поход на Византию заставил задрожать Константинополь, и греки решили откупиться. Но бремя оказалось чересчур тяжелым даже для них! Две тонны золота потребовал Атилла и выдачи всех своих врагов! В 448 году Византия стояла на коленях перед Атиллой. Контрибуция была так велика, что

⁵ Венгрии.

разорила империю. Многие отцы семейств, отдав последнее, покончили жизнь самоубийством. Но главное – столица осталась цела! После этого Аттила двинулся на Западную Римскую империю. Он захватил германские и франкские города Мец, Трир, Кельн, Реймс, Тонгерен, Труа и подошел к Орлеану. Катапульти уже дробили стены города и разрушали его дома и храмы! Но христианский Бог заступился за Орлеан. Его спасли знаменитый римский полководец Аэций и король вестготов Теодорих – они вовремя подошли каждый со своим войском. Решающая схватка была неминуема! В конце июня 451 года на Каталаунских полях, в двадцати километрах к югу от Орлеана, произошла великая битва, которую позже назовут Битвой народов. Около сотни разноразличных народов, которых привел с собой Аттила, схватились с римлянами, галлами и германцами, решившими противостоять смертельно-опасному азиатскому веполю. Сотни тысяч людей погибли в этой битве, сложил голову и король Теодорих, но Аттиле пришлось отступить... Собрал силы, в следующем году Аттила напал на Италию и заставил папу римского просить у него мира. Папа Лев не побоялся – лично выехал к вождю и попросил гунна оставить Вечный город и уйти за Дунай. И вот странность: Аттила выполнил просьбу римского первосвященника! А может быть, он просто стал выдыхаться?

В 453 году Аттила совершил набег на Галлию, но потерпел поражение и отступил для новой передышки. Но судьба уготовила ему иной итог. К великому счастью для человечества, звезда Аттилы стремительно меркла! Изведав любви тысяч жен и наложниц со всего света, он взял в жены юную красавицу Ильдику. Она-то и стала его последней и роковой любовью. После пьяного пира и обильных любовных утех первой брачной ночи у Аттилы вдруг пошла носом кровь, и он умер в страшных судорогах. Всех, кто готовил его пышные похороны и хоронил в трех гробах – бронзовом, серебряном и золотом, убили, чтобы никто не нашел могилу великого вождя.

Христиане прозвали Аттилу «Бичом Божиим». Разумеется, за грехи человеческие! Он ослабил Византию настолько, что та едва дышала к концу его правления. Рим трепетал перед ним. Свободолюбивые германцы – десятки грозных племен! – стали его рабами. Славяне покорились ему. Аттила смешал многие народы в Европе! И многие забыли, где их настоящий дом, где могилы отцов.

Именно такая судьба постигла и жителей Русколани.

Но вот что любопытно: едва Аттила умер, как империя его развалилась! Она распалась в течение считанных лет – и уже скоро только тень и грозное имя великого завоевателя устрашающими призраками носились в воздухе! А земли перешли в руки его многочисленных потомков, боевых вождей и вассалов. И каждому, уставшему от рабства сурового тирана, больше жизни хотелось независимости!

Только не суждено было вернуться славянам в родные места – привольные степи Причерноморья и Азова заняли отныне азиаты.

Но, может быть, это и помогло им в будущем? Ведь жаркие степи между тремя морями были великим перекрестком для всех кочующих народов Евразии! Мимо никак не пройти! К своему счастью, не иначе, под жестокими ударами гуннов русколане уходили все дальше на север, пока не оказались там, куда свирепые степняки уже никогда бы не сунули нос. В тех краях кочевым псам оказалось бы и холодно и голодно! Не было там бескрайних степей и сочной травы для их резвых коней, не было горячего солнца и дармовой еды! Ведь гунны не сеяли хлеб и не ловили рыбу! Они отнимали чужое, а в случае голода ели своих лошадей! Тут же все надо было делать своими руками! А кочевники этого и не любили, и не умели, и не желали тому учиться! Тут, на севере, поднимались дремучие леса и сверкали великие студеные озера, похожие на моря. Но в тех дремучих лесах в изобилии водилась дичь, а в озерах – рыба. А поля можно было вспахать и посеять пшеницу. Тут был север, край суровый,

но богатый и радушный. Наконец, именно отсюда, с севера, и шли когда-то предки славян на юг, уходя от подступавшей вековой зимы.

Это было возвращение спустя тысячелетия на родные северные просторы!

Жители Русколани, уцелевшие после нашествия гуннов, обживали новые края. Сотни новых городков поднимались на заново открываемой земле славян.

Именно так и рождалась земля севернорусская, Новгородская!

Одновременно с Русью северной, Новгородской, возникла и Русь южная, Киевская, на реке Днепре. Потомок Буса Белояра князь Кий основал на реке, именуемой греками Дана-прис, на месте древнего поселения славян новый великий город. Он и стал называться по его имени – Киев-град!

Северный Кавказ и кубанские степи, колыбель древних русичей, был оставлен своими свободолюбивыми детьми раз и навсегда. Это и спасло их. Немногим оставшимся грозила неволя! Там, в теплых краях, где жили их предки, одно азиатское нашествие сменялось другим. Только распалась гуннская империя, на тех же землях возникла новая – Хазарский каганат. Это был осколок от Великого тюркского каганата, занявшего когда-то половину Евразии. Случилось это уже в седьмом веке. И оказался Хазарский каганат куда могущественнее и опаснее, чем гуннская империя степняков! Такие государства не рассыпаются в одночасье! Хазары прочно обживали когда-то славянские земли и безжалостно тиранили всех соседей, кто боролся за свою независимость. Тысячи славян, оставшихся на своих землях – ведь не все же утекли в свободные края! – стали хазарскими данниками. Почти невольниками! А хазары становились год от года только сильнее. Они разбили арабов на юге и подступили к Византийской империи на западе. Чтобы умирить воинственных тюрков, император Византии Лев Третий Исавр женил своего сына Константина на хазарской принцессе Чичак – будущей благочестивой христианке Ирине. Это спасло Византию от новых потрясений.

Что до вольной, древней Русколани, она ушла в легенды и песни о великих предках! Страна былого могущества оставалась лишь в сердце каждого славянина.

Время шло, северная Русь и южная крепили потомками князей Буса Белояра и Кия. Правнуками князей и богатырей русской земли!

Когда же славяне за три века утвердились на севере, и к ним пожаловали гости. Попросились жить! Свои же братья-славяне – венецы! Это пришло время Карла Великого и рокового наступления германцев на славянские земли вдоль Балтийского моря, звавшегося в ту пору Славянским или Венедским морем.

В этом потоке беженцев и пришел на северную Русь жрец бога Сварожича – Ярило Ган со своей семьей. И в ближайшие десятилетия земля вокруг озера Ильмень стала им новой родиной.

И должен был появиться настоящий вождь славян, чтобы двинуться в далекий великий поход. Этим вождем стал внук Бравлина Первого – князь Бравлин Второй. При нем и поднялся Ягайло Ган до верховного жреца. И стал идейным вдохновителем похода славян на греческие и готские колонии Тавриды. Ведь уже столетия, как Византия боролась со славянами – и борьба эта была крайне жестокой. Константинополь манил всех язычников своими богатствами! И каждому языческому князю хотелось повторить победоносный поход Аттилы – поставить Византию на колени! Тем более что на Тавриде расположилось небольшое готское княжество, вассальное Византии, оно процветало, и первыми из этих городов были Керчь, Сурож, Феодосия.

Что и говорить, Ягайло Ган мечтал отомстить христианам! Не мог он простить им ни старшего брата Ярилы, ни младшего Любима, ни своего дяди Клаврата. Ни оставленной родной земли, дорогого сердцу Старгарда. Не мог простить позора, который выпал на долю его изгнанного отца! И потому изо дня в день внушал Бравлину, что тот должен выступить в поход на греков.

В тот день преисполненный духа откровения переступил Ягайло Ган порог княжеской залы. Бояре и дружинники расступались перед ним. И вот ему открылся княжеский трон. Его занимал владыка Бравлин в ярко-красной рубаше, расшитой золотом, подпоясанный золотым кушаком. Князь сжимал подлокотники крепкими руками, на пальцах его сверкали перстни.

– Говори, Ягайло, ты говорил с богами? Ты слышал их голоса? – спросил князь Бравлин. – И если да, что сказали тебе наши боги? О чем поведали? Великий Сварог, родитель всех славян, его сын Сварожич, наш небесный кормитель? Защитник воинов Перун, Матерь-Сва и мудрый Велес? Что сказали они нам, их преданным сыновьям?

Это был важный для всех славян день! Три дня и три ночи Ягайло Ган не выходил из храма Рода, праотца всех богов. Всюду горели лампы, огонь неровно освещал деревянные лики идолов, курились травы; и жрец слушал голоса, которые из тьмы и света, из Вышени и Прави доходили до него. Великие голоса! Грозные голоса...

На Ягайло Гана смотрели и первые воеводы Бравлина. Его слова ждали три долгих дня! И сейчас от жреца зависело: идти им великим походом, драться и умирать, побеждать и терпеть бедствия или остаться дома и пить сладкий мед. Но никто не желал сидеть на печи! Воеводам хотелось битв не меньше, чем князю. Греки – извечные враги славян так и манили к себе!

– Ну же, не томи нас, жрец! – потребовал ответа Бравлин.

Верховный жрец Ягайло Ган выжидал не просто так! Все торжествовало внутри его! Сердце пело! Сбывались мечты и пророчества! Он поклонился.

– Да, мой князь, я говорил с богами, – сказал он своему повелителю. – И они открылись мне...

Бравлин Второй с великим трепетом ждал ответа прорицателя. И еще с большим трепетом ждали слова жреца бояре и дружинники.

Исполненный достоинства Ягайло улыбнулся:

– Они открыли мне, что пришло время совершить поход на юг – великий поход! – и отомстить за наших братьев! Объединить всех славян! Покарать греков и готов и встать против хазар, если понадобится.

Именно этого ответа и ждали все! Бравлин поднялся со своего трона.

– Это великая радость, жрец! – кивнул он. – Слава Сварогу и хвала Перуну! Великая радость нам!..

Уходя от князя, Ягайло Ган был задумчив. Он действительно слышал голоса и, закрыв глаза, видел отдаленные всполохи молний. Они точно чертили ему картину будущих битв. Голоса сказали ему: «Веди своего князя в Грецколань! В Тавриду! Там ждет его великая победа! Победа и немеркнущий свет!..»

«Но каким странным был тот голос!» – думал Ягайло Ган. Прежде он ни разу не слышал его...

В следующие недели Бравлин Второй по прозвищу Буревой, что означало Водитель бурь, собирал в северных землях огромное войско из подвластных ему славян, а также ильмеров и жмуди. Ручейками стекались к Ильменю воители разных племен!

– Смотри, Ягайло, сколь велико мое войско! – сказал Бравлин своему жрецу. – С таким войском можно идти на сам Константинополь! А мы еще послали гонцов к венедам и словенам! Когда мы будем в граде Киеве, и они подойдут сюда!

Спустя месяц войско Бравлина Буревого маршем вошло в Киев. На коне, рядом с князем и его телохранителями, ехал и верховный жрец Ягайло Ган. Жрец держался не хуже самого князя. Ведь он, а не Бравлин, был проводником воли богов! Он вдохновил и князя, и все его окружение на этот поход!

В ближайшие недели стали подходить с запада и полки венедов. Бравлин Буревою готов был выдвинуться в сторону Черного моря и Азова, в сторону легендарной древней Руско-лани...

– Это будет великий поход! – кивнул Ягайло Ган. – Боги всегда помогали тебе, Бравлин! В этот же раз они отдают тебе всю Тавриду! А потом... потом...

– Говори, мое сердце пылает и ждет твоего ответа! – вновь потребовал князь славян. – Я жду этого слова! Ну?!

– А потом мы пойдем на Царь-град! – молвил Ягайло Ган.

Но что-то томительно сжимало его сердце и заставляло тяготиться сомнением. Но что это было? Откуда пришло это чувство к нему? Что таким образом ему хотели сказать боги?! Ведь они, чувствовал Ягайло Ган, пытались достучаться до него!..

В те судьбоносные дни войско из многих десятков тысяч славян – северных, западных и южных – вышло из града Киева и двинулось на юг – к Тавриде и Понту Эвксинскому.

Так начинался великий поход князя Бравлина Второго на ненавистную славянам Грец-колань... Это был освободительный поход против греков и готов, договорившихся с хазарами. Но не только! Это был поход старых славянских богов на греческого Бога, о котором они много слышали, но силу которого не понимали и не желали понимать.

Уже через пару месяцев стало ясно, за кем сила. Бравлин победным маршем прошелся по окраинным землям Византии. Весь полуостров, который позже назовут Крымом, был занят воинственными славянами. Только южное побережье Тавриды оставалось последним оплотом греков! И то не все! Были уже захвачены и Херсонес, и Керчь! Око за око, зуб за зуб! Славяне сторицей платили за прежние унижения. Кто не хотел сдаваться, те уничтожались. Города дымились в развалинах, кругом лежали трупы. Десятки тысяч плененных греков – мужчин, женщин и детей – готовились быть проданными в рабство.

Греки укрепились на последнем своем рубеже – на прибрежной линии, в городе Суроже⁶.

К нему князь Бравлин и подкатил осадные машины. День и ночь камни и горшки с горячей смолой летели через крепостные стены. Огромные камни били и в сами стены города. И те дрожали, сыпались! Но стояли! Как стояли и сами защитники на стенах. Христианский город оказывал достойное сопротивление Бравлину. Но князь был неукротим! Теряя людей, штурмующие все ближе подбирались к воротам. Кипяток и смола выливались из медных ковшей на головы славян. Тучи стрел летели в обоих направлениях. Но ближе, ближе подходили атакующие! И вот уже бревно-таран с языческой бараньей головой разносило ворота. Трещали дубовые бревна, окованные железом!

– Скоро мы прорвемся в город! – сидя на белом коне, на вершине холма, говорил Бравлин Буревою своим полководцам. – Скоро мы покараем непокорных греков и покараем жестоко! А затем нам будет открыта дорога на Царь-град! Никого не окажется за нашей спиной! Наши боги верят в нас, как мы верим в них!

Рядом с Бравлином сидел на коне и Ягайло Ган – он смотрел, как погибает греческий город. Но почему его сердце не трепетало от восторга? Не ликovalo? Не пылало радостью? Как пылали сейчас подожженные смолой дома в Суроже. Весело и ярко! Почему его сердце – против воли! – сжималось от отчаяния!

– Сварожич и Перун помогают нам! – восхищенно говорил Бравлин. – Я вижу их над моим войском! Они точно сами посылают стрелы на головы непокорных греков! Скажи, Ягайло, ты тоже видишь это?

⁶ Современный город Судак.

– Может быть, может быть, – глядя на город, охваченный пламенем и дымом, шептал тот. – Мне так хочется верить в это!

Десять дней бомбардировки города сделали свое дело. Гарнизон и жители были на две трети истреблены. Сурож ослаб и дрогнул. Баранья голова тарана разнесла ворота. И князь Бравлин, уже поджидавший с гвардией неподалеку, ворвался в греческий город.

Началась уличная резня. Кругом пылали дома. Многие горожане забились в храме, надеясь, что Господь не позволит осквернить свой дом!

В тот день волна неуголимой ярости и слепой ненависти, которая обуревают любого захватчика, получившего достойный отпор, тащила воинов князя Бравлина по городу. Люди прятались в домах, но уже знали, что конец близок. Двери разлетались в щепы. Мужчины, защищавшие свои дома, умирали сразу же. Умирали и те, кто прятался в разных уголках дома. Отряды ревущих солдат волчьими стаями прокатывались по домам, ища матерей, жен и дочерей. Измученные во время похода и осады, они желали взять свое! Их не трогали мольбы о пощаде! Иссеченные камнями, которые летели на них со стен, десятки раз ошпаренные кипятком и маслом, искалеченные, но сохранившие звериную силу, они требовали отплаты! Возмездия! Воины Бравлина убивали стариков, часто – детей! Их интересовали только две вещи: золото и женщины. Но ведь именно поэтому христианские города оборонялись до последнего, когда варвары подходили к их стенам.

Звериная жажда разрушения, желание истребить все чужое, а потому непонятное и враждебное, сама вынесла гвардию Бравлина в центр города Сурожа, который уже пылал с разных концов. В центре города стоял прекрасный белого камня храм святой Софии.

Князь Бравлин, его военачальники и телохранители взбежали по ступеням.

– Откройте мне двери! – крикнул Бравлин. – Слышите, греки?! Открывайте же!.. Нет?! – Бравлин обернулся с паперти к своим солдатам. – Страх завладел их душами! Но что с них взять – они же греки!

Вокруг храма уже стояло сотни две лучших воинов Бравлина, которые никогда не оставляли своего князя. Несколько ординарцев Бравлина заколотили рукоятями в двери.

– Открывайте, христиане! – кричал его первый воевода и друг Медведь. – Хозяин пришел к вам! Ваш господин! – Рыжебородый, он обернулся к князю. – Да они плюют на тебя, князь!

Свирепая гримаса исказила лицо князя Бравлина. Он вытянул руку с мечом:

– Я хочу, чтобы кровь христиан была повсюду! Я хочу стоять по колено в крови! Я хочу, чтобы этот храм стал одной кровавой бадьей! Гоните сюда таран!

Именно тогда Бравлин, как и его воины, непроизвольно посмотрел вверх. Над Сурожем собирались тучи, и так быстро, точно кто-то своей волей сводил их сюда...

– Я вижу: бог Перун, мой покровитель, благословляет меня! Крушите ворота!

И вдруг гроыхнул гигантский засов внутри, и двери храма открылись. Медведь даже отступил: кто знает, какой отпор в самом конце приготовили им горожане? А князь Бравлин, напротив, шагнул в сторону дверей.

– Князь! – предостерег его Медведь.

Гвардия Бравлина тоже подалась вперед и окружила ступени. Все знали, что храмы христиан полны золота и серебра, драгоценных камней, и гвардия готовилась к великому грабежу.

И вот двери поползли вперед – их отворяли послушники, бледные и до смерти напуганные. Но ничем не желавшие выдать свой страх! И уже приготовившиеся к мученической смерти. Отворяя ворота храма, они боялись даже посмотреть в сторону вопящей гвардии князя. А те ревели, направляя в сторону ворот храма мечи, копья и топоры. Скажи только слово – иссекут в мгновение ока!

И тут из сумрака храма на порог вышел белобородый старик с черной сутане, подпоясанный бечевою⁷.

– Ты хотел войти, князь Бравлин, – сказал он. – Так входи же в дом Господа моего – Он сам призывает тебя!

– Я не нуждаюсь ни в чьих приглашениях, старик, – сказал князь. – Твоего Господа в первую очередь! Он мне не хозяин!

Медведь направил меч в сторону храма, и два десятка бойцов взбежали по ступеням и нырнули в прохладную тишину собора. И только потом туда проследовал сам князь.

– Я отберу у твоего Бога золото, а на его алтаре со своими воинами устрою пир! – изрек князь Бравлин. – Вот так я поступлю, старик!

В отдалении сверкнула молния и прокатился гром. Редко так быстро наступает непогода. Свет устрашающе померк за спиной князя Бравлина, когда он переступил порог храма святой Софии. Его избранные воины вновь потянули головы вверх. Туда же, в грозное небо, смотрели и послушники храма. Все небо заволакивало над Тавридой. Только пронзительно сверкали золотые купола! Бравлин оглянулся на сгущающийся сумрак за спиной, но он не смутил его.

– Красивый дом у твоего Бога! – Он обвел взглядом храм. Тут жалось к стенам множество людей. – Гвардейцы! Гоните их прочь! – Он обвел пальцем храм. – Теперь они мои рабы! А потом берите и несите на улицу все, что ценно!

Людей вытащили на улицу. И солдаты Бравлина стали хватать церковную утварь. Они складывали серебро и золото у дверей храма. Послушники небольшой группой жались в стороне. Они с ужасом смотрели на разграбление и готовились к худшему. Но священник даже не посмотрел в сторону воинов, обдиравших стены храма. Точно этого и не происходило! Он смотрел только на князя, обходившего храм Святой Софии.

– Как тебя зовут? – спросил Бравлин у величественного старика в сутане.

– Архиепископ Филарет, – ответил тот.

Небо полоснула яркая молния, и второй раскат прогремел куда ближе.

– А ты хорошо держишься, архиепископ. Я таких не видал прежде... Ты грек? – взглядом варвара оглядывая росписи, спросил Бравлин.

– Именно так, – ответил архиепископ. – И я духовный отец всем божьим чадам Сурожа.

Тьма на улице становилась все гуще, но Бравлин только нахмурился норову гневливой стихии.

– Ты не так глуп, как твой наместник, – усмехнулся князь. – Если бы ты заставил меня сломать эти двери, и ты, и твои люди уже бы лежали в крови на этом полу! А так я еще подумаю, может быть, и помилую вас! Я же не зверь...

Князь Бравлин обошел храм и вскоре увидел богатую раку⁸, украшенную золотом и драгоценными камнями.

– Что это? – спросил он у остановившегося в центра храма служителя.

– Это рака, где покоятся мощи великого Стефана-подвижника, епископа, моего предшественника, – ответил священнослужитель. – Сурожского святого...

– Богатый гроб! – воскликнул князь Бравлин. – Открой его!

– Он запечатан...

– Так распечатай его!

– Не могу – это не в моей власти, – покачал головой Филарет. – И тебе не советую трогать его.

⁷ Эта история описана в «Житие святого Стефана Сурожского».

⁸ Рака – ковчег с мощами святых, изготавливаемый обычно в форме гроба.

– Я не нуждаюсь в твоих советах, – сказал князь. – Эй! – окликнул он своих воинов. – Нет, стойте! Я сам! – Он вплотную подошел к раке: – Сам!..

– Что ж, князь Бравлин, испытай судьбу, – смело молвил старик.

– Так тому и быть – испытаю! – кивнул Бравлин. И тотчас рассмеялся: – Но все, что я открываю и чего касаюсь, я беру себе.

Он ухватил крышку и рванул ее вверх. Первый раз, второй!..

– Хорошо спрятался твой святой! – громко рассмеялся Бравлин, и его гвардейцы, стоя по периметру храма, вторили ему смехом. Рассмеялся и начальник охраны Медведь.

Как непривычны были такие голоса для святого места!

А за дверями храма уже была такая тьма и тишина, точно ночь опустилась надо всем морем... Так бывает перед великой бурей!

– А ты потяни крепче, – вдруг посоветовал архиепископ.

– Будь по-твоему, – кивнул Бравлин.

Князь вцепился в крышку, узлы мышц вздулись на его руках, кровью налилась бычья шея. И на третьем рывке крышка оторвалась от гроба! И Бравлин увидел мощи старика, облаченного в золотые одежды...

Ослепительная молния рассекла небо над храмом, и тотчас раскат грома расколол небо. Гром прокатился такой, что сердца самых отважных замерли пред стихией. Точно силы небесные хотели расколоть этим ударом саму землю! Солдаты, снимавшие оклады, вдруг сникли. Даже Медведь оцепенел. Послушники истово крестились. Гром покатился над градом Сурожем и берегом Понта Эвксинского...

Бравлин оглянулся на двери храма. Туда смотрели сейчас все. Словно ждали гостя! Тогда и ударил обломный ливень. Оцепеневшие гвардейцы сами выпустили из рук утварь. Что-то подсказало им так поступить. И тут Бравлин повел носом. Что-то было не так! Но что?! Он обернулся к обезображенной раке и мощам святого. И все понял сразу! От покойника шел удивительный аромат, точно сотни цветов вдруг заблагоухали в храме!

– Что это? – спросил он. – Покойники так не пахнут! Они смердят! Так что это, старик? Что?!

Но Филарет не ответил ему. В ярости Бравлин склонился над мощами, и тут же удивительный аромат ударил ему в ноздри. А потом и в голову! Опьянил его! Одурманил! Бравлин сделал несколько шагов назад и вдруг ухватился за горло:

– Что со мной? – В его голосе и Медведь, и гвардейцы услышали испуг. – Что?! Священник, как тебя? Филарет! Что со мной, говори?!

Ноги вдруг перестали слушаться его, и Бравлин упал на колени, руки повисли плетью. И следом князь повалился на прохладный пол храма Святой Софии! А за распахнутыми дверями храма уже хлестал проливной дождь. И не знали воины Бравлина, куда укрыться от него. Многие рванули сюда, в храм...

– Взять его! – рявкнул Медведь, указывая на Филарета, и тотчас бросился к князю. – Бравлин! – взмолился он. – Бравлин, что с тобой?! Ответь мне!

Гвардейцы схватили архиепископа. Другие воины прихватили и служителей храма. В любую минуту они готовы были перерезать им глотки. Несколько человек побежали искать княжеского лекаря. Но где его было взять так скоро? Он был за городом! А за стенами храма бушевала настоящая буря! Филарета подтащили к Бравлину.

– Что со мной, говори? – под сверкающие молнии, чьи всполохи освещали храм вспышками, и новые раскаты грома слабым голосом повторил Бравлин.

На князя было страшно смотреть – он обессилел и стал бледен как смерть. Он лежал так, как лежит воин на поле боя со сломанной шеей. Неподвижный! Бессильный! Немошный! Как кусок сырой глины! Только и мог управлять речью!..

– Ты прогневил моего Бога, – ровным голосом сказал Филарет. – Я предупреждал тебя...

Медведь поднял голову князя, он держал ее в ладонях. Гвардейцы обступили своего вождя.

– Но ты знал! Ты все знал! – прошипел Бравлин. – Убейте его! Нет! – прохрипел он. – Излечи меня, старик!

– Не я наказал тебя, князь, – сказал тот. – Мой Бог наказал тебя за поругание могилы своего избранника – святого Стефана.

– Если ты не излечишь меня, я вырежу весь город, – прохрипел Бравлин.

– Тогда Господь не заберет тебя сразу. Ты долгие годы будешь жить вот так, как мертвая рыба, но с той разницей, что все будешь видеть и слышать, – глядя ему в глаза, сказал архиепископ. – Как скоро ты надоешь всем? Сколько пройдет времени, пока тебя перестанут замечать, как старого обезноженного пса, которого просто жалко убить?

– Позволь, хозяин, я лично зарежу этого негодяя, – гневно прорычал Медведь. Он схватил Филарета за грудки, вытащил меч и приставил лезвие к его горлу. – Позволь, князь!..

– Стой, – прошептал тот. – Позови ко мне Ягайло Гана...

Вскоре в храм вошел промокший до нитки верховный жрец новгородцев. Приблизился к своему князю. Встал перед ним на колени. Вслед за ним сюда же влетел и княжеский целитель. Они вместе осмотрели его. На князе не было ран! И он был почти мертвец.

– Надо положить князя в парное молоко, – глядя на Медведя, дрожащим голосом сказал лекарь.

Бравлин услышал эту рекомендацию.

– Уйди, – едва слышно сказал он лекарю.

Медведь зыркнул глазами, и лекарь испарился. Всем было ясно, что в этом замешаны высшие силы. Что сейчас сражаются родовые боги славян против христианского Бога. И недужное тело князя Бравлина – это поле боя, ристалище. Не более того!

– Ягайло, – срывающимся голосом прошептал Бравлин.

– Да, мой князь... – Тот приблизился к Бравлину и глаза в глаза посмотрел на него.

– Спроси наших богов, что со мной, – прохрипел Бравлин.

Легко сказать: спроси! Ягайло Ган был в замешательстве! Верховный жрец не мог понять той силы, которая превратила мощного телом и духом владыку в ничто.

– Вынесете его из этого дома, – сказал Ягайло Ган.

Бравлина взяли на руки и понесли, но буря за стенами храма стала еще сильнее. За спиной солдат с носилками, на которых уложили князя Бравлина, встал архиепископ Филарет.

– Неужели вы не видите, что мой Бог не хочет, чтобы ты покидал его дом, князь Бравлин, – сказал архиепископ Филарет. – Он не отпускает тебя...

– А что Он хочет? – хрипло спросил Бравлин. – Что хочет твой Бог?

На князя жалко и страшно было смотреть. Никогда он не был так ничтожен! Но сейчас ничтожными были и его воины, которые стали свидетелями необъяснимого действия.

– Мира и любви, только и всего, – ответил священник.

Бравлин встретил взгляд Ягайло Гана.

– Проси наших богов за меня, – потребовал Бравлин. – Проси немедленно! Проси здесь! Докажи мне, что они любят нас! Что они любят меня!

Сердце Ягайло Гана стучало бешено. И вновь он услышал голос: «Веди своего князя в Грецколань! В Тавриду! Там ждет его великая победа! Победа и немеркнущий свет!..»

– Я должен войти в наш храм, храм Сварога, и зажечь огонь у алтаря, – сказал Ягайло Ган. – Я должен принести жертву...

– У тебя нет времени, жрец, я умираю, – прошептал Бравлин.

– Уйдите прочь. – Филарет оттолкнул руки стражников, и те, точно почувствовав великую силу, сами отступили. Он шагнул к Бравлину. – Ты уже понимаешь, что вылечить тебя сможет только тот, кто сделал тебя недужным? Признайся себе в этом, князь Бравлин. Только мой Бог сможет помочь тебе...

Бравлин еще раз взглянул на Ягайло, но затем перевел взгляд на христианина.

– Положите носилки, – сказал он.

Его положили и расступились.

– Проси своего Бога за меня...

Но Филарет улыбнулся.

– Не так все просто, князь Бравлин. Не для того мой Господь наказал тебя, чтобы ты ничему не научился. Вначале ты должен вернуть все награбленное храму. – Архиепископ кивнул. – Прикажи своим воинам исполнить!..

Бравлин посмотрел на своего друга и полководца Медведя. Было ясно: князь хочет что-то сказать ему! Тот сразу же встал на колени перед хозяином.

– Я слушаю тебя, князь! – прошептал Медведь.

– Прикажи, чтобы мои воины вернули все храму, – сказал князь.

Медведь кивнул. Через минуту приказ полетел по рядам солдат, и те стали возвращать награбленное добро. В том числе и то, что успели уже унести. Из стены дождя они несли и несли утварь в храм. Ягайло Ган стоял в стороне и ждал, чем все это закончится. И какая судьба ждет его. Но почему его боги молчат? Почему молчит бог солнца Сварожич? Почему Перун не испепелит священника?! Но небо заволочло такой стеной дождя, что солнца и не видно! И ослеп от непогоды, верно, Перун... Ягайло Ган смотрел на лица чужих богов. Их было много! Мужские лики, женские! В богатых одеждах! С золотыми кругами над головами!.. Кто они, эти боги? Насколько сильны? Что они хотят от них, славян? Куда зовут?..

Солдаты вернули церковное добро, и, о чудо, князь Бравлин вздохнул свободнее. Великое страдание ушло с его лица, и облегчение осветило его. Так уходит боль и оставляет после себя великое утешение! Но члены его не слушались!

– Чего еще хочет твой Бог? – спросил князь. – Ему мало?

– Ты побил тысячи людей, которые верили в Него. Их уже не вернуть! К счастью, этих людей, верных христиан, ждет вечная жизнь в Его царстве. Но остались те, кто в путах и кандалах страдает сейчас. Кого ты сделал рабом! Кого ты истязал еще недавно. Вели освободить их немедленно! И вернуть их добро! Сейчас же...

Одна только мысль удавить священника отозвалась такой страшной болью в теле князя Бравлина, что он замер на вдохе... И тотчас поймал холодный взгляд архиепископа. Этот человек не шутил, и сила его была велика! Воистину велика! Безгранична...

– Не слушай его! – шагнув вперед, воскликнул Ягайло Ган. – Князь!..

– Тогда помоги мне, немедленно помоги, – прошептал Бравлин. – Слышишь?!

И все – от архиепископа до гвардейцев – посмотрели на жреца. Всей душой он сейчас призывал богов, но тщетно! Они не говорили с ним! А сам он точно оглох! Только две фразы кто-то настойчиво повторял ему на ухо: «Там ждет его великая победа! Победа и немеркнущий свет!..» Ягайло Ган понял, что бессилен. Что старые боги не помогут ему и его князю. Он опустил глаза и непроизвольно сделал шаг назад – в тень...

– Пусть освободят всех пленных, – сказал Бравлин своему верному Медведю. – Во всем Сурожу! И пусть вернут добро...

Медведь тоже взглянул на священника и, как и князь, оказался уязвлен его взглядом.

– Ты слышишь, Медведь? – спросил Бравлин. – Пусть бегут, летят! Пусть скажут, что я возьму их добычу, возьму всем...

– Я все выполню, мой господин, – кивнул тот.

Огромный храм святой Софии давно уже был набит битком гвардейцами князя Бравлина. Тесным кругом те обступили своего владыку! Что с ним? Как? Выживет ли? Чужие боги околдовали его! Но что делать, коли они так сильны?.. Медведь рявкнул на сотников, те на десятников. И гвардейцы вместо того, чтобы праздновать победу, пить вино и улаживать себя утехами с пленницами, бряцая оружием, побежали исполнять приказ князя. Но это требовало времени...

– Мне некуда спешить, – сказал архиепископ. – Да и тебе тоже, князь. И что такое время на земле? Праведников ждет вечная жизнь у Господа, грешников – вечный огонь в аду. Что есть день, два или три здесь в сравнении с теми сроками? – он был убедителен! – Будем ждать...

Князь так и лежал на полу, на стеганых походных одеялах, укрытый покрывалами. Ему только иногда подносили питье. Ливень стал тише. Молнии больше не сверкали над Сурожем так ослепительно, точно собирались спалить город, и громы не грохотали так свирепо, словно стремились расколоть землю и утопить ее в Понте Эвксинском.

Пленников освободили, их добро вернули. К величайшему удивлению всех славян, захвативших Сурож, именно в те часы буря и стала уходить прочь...

И ожил князь Бравлин на полу храма святой Софии, стоявшего в центре древнего Сурожа. Кровь пошла по жилам его рук и ног, зашевелились пальцы. Румянец вернулся на лицо князя Бравлина. Он сам не мог поверить своему счастью! Но он еще был слаб, каждое движение давалось ему с трудом! Он выпил немного вина и съел свежего хлеба.

– Что я должен сделать еще, архиепископ? – спросил Бравлин. – Чтобы мне хватило сил встать? Говори...

– Ты должен принять истинного Бога, – сказал ему Филарет. – Покаяться в грехах! Ты и твои первые воины. Те, кто были свидетелями твоих несчастий и свершившегося чуда. Если ты этого не сделаешь, не пойдешь до конца, недуг вернется...

Бравлин, все еще лежавший на полу, на подушках, в который раз требовательно взглянул на своего друга и полководца:

– Ты примешь со мной нового Бога, мой верный Медведь? – спросил он.

И тот в очередной раз опустился перед хозяином на колени.

– Я видел все, что было с тобой, – кивнул он. – Я приму нового Бога... Они все, – он обвел глазами сотников, десятников и простых гвардейцев, – примут, как и мы с тобой, нового Бога. Если у Него такая сила...

– Да будет так, – кивнул архиепископ Филарет и распорядился: – Несите святую воду, послушники! Готовьте вступающих в церковь Христову к обряду крещения!

И уже скоро победоносно и радостно зазвонили колокола храма святой Софии, и звон покотился по всему Сурожу. К тому времени от облаков не осталось и следа, и ярко светило солнце на умиротворенным морем...

– Сегодня ты одержал великую победу, – выходя с князем из храма, сказал ему архиепископ Филарет. – И в награду получил немеркнущий свет!..

В тот день, когда князь Бравлин принял в Суроже крещение от митрополита Филарета и поклялся стать не гонителем, а защитником христиан, жрец Ягайло Ган в сопровождении двух учеников уже возвращался на север. Он не мог и не желал видеть предательства славянами своих богов! Но, может быть, так они лишь испытывали князя Бравлина? Немоощью! Страданием! А он взял и сдался! Предал их! Сам он, Ягайло, скорее бы умер, как умер бы и его отец Ярило Ган, чем принял бы новую веру! Умер бы в огне, как умирали те, по чьим следам шел много лет назад Карл Великий! От кого их семья убегала на край света!..

Двумя неделями позже Ягайло въехал в Новгород и стал ждать возвращение князя.

Бравлин вернулся крепким и здоровым несколькими месяцами позже. С ним были три священника. Только спустя несколько дней Бравлин Буревой призвал к себе верховного жреца. Они остались наедине.

– Я не потребую от тебя того же, что сделал сам, Ягайло, – сказал князь. – И что сделали мои приближенные. Но отныне все будет по-другому. Ты удались из Новгорода – и как можно скорее. Я жалую тебе свои угодья на Ильмене, у Белого мыса. Они далеко, и хорошо, что так. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Там ты обретешь покой и будешь с теми, от кого, я знаю, не откажешься никогда. Даже в пламени костра! Я не буду преследовать вас, потому что не давал такого обещания. Выполняй свои обеты смело. Возноси хвалу, кому надо, – тяжелый взгляд князя Бравлина остановился на жреце: – Но не вздумай возвращаться и волновать людей, поднимать смуту. Иначе мне придется казнить тебя. Я дал слово Богу Иисусу, что поступлю так. И я сдержу свое обещание. Будь в том уверен. А теперь ступай, Ягайло Ган, и никогда не возвращайся в Новгород!

...Прошли годы, прежде чем он, Ягайло Ган, успокоился и смирился с происходящим. Он много странствовал по свету. И не было ни одного дня, чтобы он не задавался вопросом: как же могли его боги допустить такое? Не спасти князя? Отдать его на откуп другому Богу! И не находил ответа. Неужели Бог христиан так силен? Его же распяли на кресте, он даже не сопротивлялся, так откуда в нем такая сила?

Одно знал Ягайло Ган: весь прежний мир рушился на его глазах...

Верховный жрец вернулся на берега Ильменя. В Новгороде он более не был и никогда больше не видел князя Бравлина по прозвищу Буревой. Куда бы ни заносила его судьба, до него только долетали слухи о походах князя. О том, что теперь рядом с ним всегда новые жрецы. Те самые, в черных рясах! Греки! Ненавистные греки!

Старые боги, боги славян, отныне предавались жестокой опале...

Ягайло Ган выполнял свои обеты. Ведь люди, окружавшие его, по-прежнему нуждались в его слове и защите. Но в храме родовых богов он все чаще подходил только к одному изваянию... Старшие сыновья жрецов становились жрецами Сварога и Сварожича, Дажь-бога, младшие – Перуна, Велеса... Его старший брат Ярило, как и отец, должен был стать жрецом Сварожича! Бога, дающего солнце, саму жизнь! А он, Ягайло, – жрецом Перуна или Велеса. Он сделал выбор и стал жрецом самого загадочного бога славян, которому открыты тайны ночи, тайны слов и музыки, тайны лекарственных трав и заговоров! Стать жрецом Перуна, бога войны, нескончаемых битв, грандиозных побед оставалось самому младшему сыну Ярилы – Любиму. Но вместо этого Любим стал воином и погиб совсем молодым! Что ж, так тому и быть! А он, Ягайло Ган, которого не послушались боги солнца и света, обратился к мудрому богу Велесу, которого сердцем выбрал в самом начале своего пути.

Именно он, этот бог, и направил его по стезе своей и дал совет написать книгу о предках. Ягайло Ган был уверен, что слышал его голос! Написать обо всем, что когда-то говорил ему отец, а тому – его отец, и так далее... И не только что они говорили, но и записывали на буковых и березовых дощечках древним языком. Таким древним, что его начало терялось во тьме веков. Эти дощечки передавались из рода в род, и если они начинали сыпаться, то старики заставляли молодых переписывать их. И сам он, Ягайло Ган, переписывал эти дощечки по требованию отца. С ним не поспоришь! На дощечках были записаны священные моления славянским богам и важные события, менявшие жизнь целых народов... И вот теперь Ягайло Ган сам распорядился, чтобы два его ученика навозили доски для «первого письма»⁹, взял остро заточенную палочку и сел за работу.

⁹ «Первое письмо» – черновик, его выводили стеком по воску, второе – вырезали или выжигали на дощечках. Первое письмо наносил сам автор, второе выполняли его ученики.

Он долго думал, прежде чем коснулся стеком воска. Первые строки были такие:

«Напрасно забываем мы старые времена наши и оттого куда идем ныне – неведомо! – горечью наполнялись его строки. – И когда оглядываемся назад, то уже стыдимся познавать Навь, Правь и Явь, как их познавали наши предки и жили этим знанием. И все стороны бытия нашего ведать и понимать мы отрекаемся...»

В его светлую комнату заглянул мальчик лет семи в длинной рубахе. Он раздумывал, как ему быть, стоит ли беспокоить важного человека, но потом тихонько вошел. Он остановился за спиной Ягайло, смотревшего в открытое окно на реку и лес, и спросил:

– Что ты пишешь, дедушка Ягайло?

Ягайло Ган оглянулся и внимательно посмотрел в васильковые глаза внучатого племянника – внука его младшего брата Любима. Мальчик не знал деда! Тот слишком рано ушел! Он, Ягайло, и стал ему дедушкой. Жрец улыбнулся и погладил малыша по голове.

– Книгу о нашем роде, – ответил Ягайло. – И о наших богах. Я пишу правду. Эту книгу я посвящу богу Велесу: он – один, кто не оставил меня, кто дает мне силы жить. А когда ты подрастешь, а случится это уже скоро, я научу и тебя говорить с ним, – он погладил светловолосого мальчика по голове. – Это время уже близко...

Что ж, таким был верховный языческий жрец Ягайло Ган! Упрямым, негибким, честным по отношению к себе и своим убеждениям. К зову своего сердца! Он знал только одну правду: древний мир славянской Правы, и только в нее верил и ради нее смело шагнул бы в костер. Но его время и время его богов подходило к концу. И хорошо, что жрец не знал своей судьбы. Не знал того, что его внучатый племянник, тоже Любим, однажды попав дружинником в княжеское войско, дойдет до Константинополя и там примет крещение, как и многие русичи, которые уже попадали в притяжение нового мира и нового Бога. Не знал он и того, что через сто лет вся Русь примет христианского Бога и пойдет в свое будущее уже с Ним.

Но великое дело Ягайло Ган сделает: чертами и резами – славянскими рунами! – он напишет на покрытых воском дощечках историю всего праславянского рода: от исхода его тысячи лет назад с далекого севера под предводительством легендарного Ярилы, сына бога солнца, как говорилось о нем в преданиях, до Яруны, выведшего свои племена уже из Индии; от светлого Буса Белояра до нынешних дней...

Великое дело сделает жрец Ягайло Ган для своих потомков! Благодаря опальному летописцу они смогут гордиться своей историей!..

Глава вторая. Анна Русская и «Книга судьбы»

В 1050 году по дорогам Восточной Европы ехал богатый кортеж. Венгрия и Чехия, Польша и Германия были на его пути! Два десятка надежных крытых повозок сопровождал великолепный эскорт. Тяжело взлетали и грузно прыгали на камнях массивные средневековые кареты, заставляя трястись своих пассажиров и вздрагивать поклажу. Скрипели деревянные колеса, но держали бесценный груз! Три сотни воинов, в кольчугах и шеломах, с копьями и щитами, охраняли караван. Спас византийского канона был вышит на знамени, которое с достоинством вез статный воин в кольчуге. У другого знаменосца на стяге Георгий Победоносец убивал копьем дракона. Но были тут не только русские витязи, но и франкские рыцари. На бирюзовом фоне их знамени красовались три золотые лилии: герб новой королевской династии – Капетингов! Из окон нескольких карет в центре кортежа то и дело выглядывали милые женские лица. По большей части юные! Ясноглазые, русоволосые пассажирки в ярких рубахах и венцах за парчовыми шторами следовали в этих каретах! Девуцы смеялись, указывали пальчиками в перстеньках на пейзажи и новые для глаза городки, проплывавшие мимо, кокетничали с отважными воинами. А воины были и рады! За таких красавиц и жизнь отдать не страшно! Первой из юных пассажирок была дочь киевского князя Ярослава Мудрого – Анна Ярославна. Самая юная и самая смышленная. Бывает и такое! Его любимица! Восемнадцатилетнюю девушку везли на Сену, в Иль-де-Франс¹⁰. Но вначале они заедут в Реймс! Именно там Анну ждет ее жених. Там, в Реймсе, уже скоро она должна была стать законной супругой Генриха Первого Капетинга, а значит, и королевой Франции!

Пару месяцев назад из далекого города Парижа в град Киев прибыло посольство от короля Генриха Первого. Его возглавляли шалонский епископ Роже и богослов Готье Савьер. Они везли с собой дорогие подарки! Самые дорогие, какие только мог позволить себе король Франции. И едва посольство подъехало к стольному граду Киеву, как дыхание перехватило у гостей русской земли...

Но отчего же случилось так? Почему у Европы задрожали колени, когда она увидела перед собой Русь?..

В те далекие времена, когда средневековые итальянские аристократы жили в каменных башнях и погибали на улочках Рима в бешеных стычках друг с другом, когда по узким улочкам Парижа, похожего на большую деревню, текли нечистоты, и несчастным горожанам приходилось уворачиваться от помоев, которые выливали им на головы из окон, когда Германия и Англия были такими же захудалыми и дикими странами, как и Франция, а скандинавские страны просто походили на вольеры с дикими животными, пожирающими друг друга, иной уклад жизни процветал на Руси.

Киевской Руси Ярослава Мудрого!

Праправнук Рюрика, сын «святого Владимира», крестившего Русь, Ярослав Мудрый сумел создать целую славянскую империю, простиравшуюся от Балтийского моря до морей Черного и Азовского. На севере оплотом его империи был Новгород, на западе – Смоленск, южнее – Чернигов и Полоцк, на Азове – Тмутаракань. Киев, столица князей Рюриковичей, великой твердыней возвышался над другими русскими городами. И оттого его почтительно звали «отцом городов русских».

Ко времени Ярослава в столице звонили колокола четырехсот церквей! А ведь менее полувека назад Русь официально приняла православие. Еще с Владимира осталась строгая Десятинная церковь, поставленная на месте убиения первых мучеников на Руси за христи-

¹⁰ «Первое письмо» – черновик, его выводили стеклом по воску, второе – вырезали или выжигали на дощечках. Первое письмо наносил сам автор, второе выполняли его ученики.

анскую веру – Феодора Варяга и его сына Иоанна. И уже была возведена киевская Святая София – собор-копия Святой Софии Царьграда. Она выросла во имя Господа после спасения Руси от печенегов. И всех гостей Киева встречали исполинские Золотые ворота и храм над ними! И все это сверкало позолотой, слепило глаза и наполняло благоговением сердце!

Запад такой красоты не знал! И, если честно, не узнает еще долго!..

Киев открыл перед гостями ворота...

Если быть честными, стоит сказать, что пару лет назад король Генрих Первый Французский уже засылал сватов на Русь к Анне Ярославне, но получил отказ. То ли даров, а значит, и уважения оказалось мало, то ли другие планы на дочь были в ту пору у великого князя...

У Ярослава Мудрого было шесть сыновей и три дочери. Их матерью стала Ингигерда – дочь первого христианского короля Швеции Олафа Шетконунга. На Руси она взяла имя Ирины, а крестилась как Анна. Ингигерда шла вместе с мужем той кровавой военной дорогой от новгородского княжения до киевского и всегда была ему опорой. И теперь они вместе торжествовали победу и праздновали триумф своей большой семьи! Для каждого из детей удачливый европейский правитель Ярослав Мудрый и его жена Ингигерда, принимавшая активное участие в судьбе государства, готовили великую судьбу. Сыновья стали княжить в крупнейших городах Киевской Руси. А дочери?.. Старшую Анастасию Ярослав Мудрый собирался выдать замуж за принца Венгрии Андраша Белого, который изгнанником жил при киевском дворе, а среднюю Елизавету Ярослав решил отдать за отважного норвежского принца Харальда Сигурдарсона. Викинг ждал этого союза много лет и во имя возлюбленной совершал отважные подвиги в Средиземноморье! Сотни раз он рисковал жизнью ради княжны, сотни кораблей ограбил и потопил Харальд, чтобы накопить приданое и понравиться великому тестю! А сколько он написал стихов для дамы своего сердца, ведь Харальд был еще и талантливым поэтом!

Между сражениями, зализывая раны, он писал:

Сицилию мы обошли стороной,
Корабль наш плыл на восход!
Но сердце меня все влекло за собой:
Томился я днем и ночью порой
О деве, что витязя ждет!

Настоящим Орфеем дикого и свирепого средневековья был конунг Харальд! Он пересылал с нарочными свои произведения на Русь, и три сестры в стольном граде Киеве с жадностью читали его поэмы.

– Вот, послушайте, послушайте! – восклицала старшая Анастасия. – Вот, вот!..

И она декламировала дальше:

Арабы нас превосходили числом,
Врывались мы в бой, точно в ад!
Но в схватках смертельных я думал о том,
Что в Гардах¹¹ далеких есть княжеский дом
И девы возлюбленной взгляд!

¹¹ Гарды – Страна городов, русская сторона, так ее называли скандинавы.

Средняя Екатерина заливалась краской – ведь эти строки посвящались ей! И самая большая книгочейка в киевском княжеском доме, любимица Ярослава Мудрого – младшенькая дочка Анна, читала взахлеб уже следующий листок:

Шестнадцать на том корабле было нас!
Шестнадцать нас ждало смертей!
Но видел сквозь бурю я свет милых глаз!
И снова любовью я спасся в тот час
К избраннице, в Гардах, моей!

Как же Анна, тогда еще двенадцатилетняя девчонка, завидовала сестре! Уже скоро Гарольд вернется с приданным из своего затянувшегося грабительского похода. Сердце Елизаветы Ярославны будет завоевано им безраздельно. Гарольд отпразднует свадьбу и увезет киевлянку в далекую Швецию. К тому времени Анастасия уже была женой Андраша Венгерского.

И бывает же такое: обе дочери Ярослава вышли замуж по любви! Оставалась младшенькая, Анна. Какое место в жизни ожидало ее? Где и с кем? А может быть, первый раз киевляне отказали франкам потому, что Ярослав Мудрый не хотел отдавать любимую дочь за того, кого не знал лично? За короля, чьи земли были так далеко, что и за пару месяцев не доберешься! Да еще этот король был куда старше невесты! Сам в отцы ей годился!

И гадать нечего, все было именно так! Шестнадцатилетняя Анна упала в ноги к отцу и зарыдала:

– Не хочу я, батюшка, за старика замуж! – Она-то видела, какие красавцы, молодые принцы, достались старшим сестрам, обзавидовалась! – Да еще на край света! – Она ревела, крепко обняв ноги отца. – Лучше утопите меня в Днепре, батюшка, чем старику в руки отдавать! Лучше заприте в тереме, на хлеб-воду посадите, только от себя не отпускайте!

– Да какой же он старик? – запротестовал Ярослав Мудрый, пытаясь поднять дочь с колен. Хотел он ей сказать, что у царей и королей, а пуще императоров возраста нет. Главное, чтобы крепко на троне сидел и сила мужская была – наследников плодить. Если все так, то и молодец! Да только поди объясни это юной дочери, романтическому сердечку! – Люди говорят, всего-то ему сорок лет, – миролюбиво добавил Ярослав, наивно полагая, что тем успокоит умную дочку. – Ну, может, сорок один... Не более!

– Не пойду за старика, – сжав зубы, процедила юная Анна. – Утопите лучше! А вы не решитесь, сама утоплюсь! Богом клянусь – утоплюсь! Днепр большой – и не сыщите!

И батюшка сдался. Легко сдался! Да и не хотел он отпускать от себя любимую умницу свою, свет очей его, которая, как и он, проводила многие часы в одной из лучших библиотек мира! В киевской библиотеке! Диву давался Ярослав, когда видел ее за раскрытыми фолиантами в золотых переплетах! Ведь еще и оттого слыл Ярослав Мудрым, что сам был книжником и однажды повелел скупать книги со всего мира и везти их в стольный град Киев! Ни в чем не хотел отставать от города-светоча Константинополя и от его мудрых и гордых императоров!

Но вот прошли два года, и Анне исполнилось уже восемнадцать. Еще пару лет в девках – и старухой станет! Никто уже не возьмет! А короли и принцы на дорогах, оказывается, не валяются. И даже в очереди по дороге к Киеву не стоят. Может быть, чухонский королевич за счастье посчитал добиться ее руки, да кому он нужен? Или азиат какой, принц, и возжелал бы пресветлую княжну, да великий князь за азиата-басурманина не отдаст! А за своих витязей выдавать – какой прок? Да и кто достоин великой княжны? Никто! Сестры разъехались, уже и детей родили. Два брата – Изяслав и Всеволод – тоже в других землях счастье нашли. Первый на польской царевне женился, второй – на византийской! Сын Всеволода теперь,

коли родится, Мономахом станет! Неужто в Киеве Anne, золотоволосому цветку, зачехнуть? Вот всем скопом и уговорили юную княжну выйти замуж за далекого франка!

Тем более, что в этот раз и подарки были дорогие! Под строгим взглядом шалонского епископа Роже прислуга франков раскладывала у трона киевского князя дары: боевые мечи и кинжалы, драгоценные серебряные чаши и украшения.

– Думай, девочка моя, думай, – тихонько приговаривал Ярослав Мудрый дочери, сидевшей от него по левую руку. – Видишь, как Генрих-то расстарался в этот раз! – а подарки все несли и несли, у ног великого князя все укладывали горками. – Небось в этот раз с себя последнее снял... Что скажешь, дочка?

– Он за это время еще на два года старше стал, – вздохнула девица.

– Ну так и ты не помолодела...

– Сейчас возьму и расплачусь от горя, – вздохнула Анна.

«Соглашайся! Соглашайся, царевна! – из-за кресла хором тянули придворные мамки и няньки. – Свет наш ясный! – им уже сказали, что говорить, на что упираться, чем пугать. – От этого короля откажешься, следующий жених уж точно из степи пожалует! Косоглазый! В юрте будешь жить! Кисло молоко пить! Коней есть будешь! Так и заржать недолго!»

А с подарками привезли и портрет Генриха. На холсте король выглядел очень даже лепо: солидно, волосом он был черен, не сед, лицом вполне пригож, в доспехе и плаще, подбитом горностаем.

– Это точно он, Генрих, жених мой? – спросила Анна у епископа. – Ваше преосвященство?

– Он самый, ваше высочество! – гордо воскликнул священник в черной сутане.

– А когда писали этот портрет? – вновь спросила любопытная киевлянка. – Год или десять лет назад? – Тень сомнения легла на свежее лицо княжны, пылавшее от смутения и переполнявших ее чувств. В синих, припухших от слез глазах таился вопрос. – А то, может быть, этому портрету уже лет двадцать?..

– Тридцать, – бросила ее мать Ингигерда, стоявшая у окна и нервно колотившая пальцами в перстнях по деревянному вощеному подоконнику. – Ну, Аннушка!..

– А вы, матушка, не смейтесь, – очень серьезно молвила дева. – Тут не по грибы-ягоды зовут, а замуж! – И тотчас переключилась на епископа: – Так когда писали портрет?

– Да перед самым нашим отъездом и писали, – заверил девицу епископ Роже. – Все ради вас, ваше высочество! Наш король Генрих полюбил вас по одним только описаниям! Слава Господу, чувство его искреннее! Благороднее нашего короля трудно найти на свете рыцаря!

– А отчего же в своем краю он себе невесту не нашел? Или он какой-то не такой?

– Всем он такой, – миролюбиво увещевал епископ.

– Так отчего же? – противилась Анна. – Вдруг у него по шесть пальцев на ногах?

Епископ не знал, как ему и быть!

– Еким-привереда остался без обеда, – глядя на княжеский двор, где конюхи ловили строптивного жеребца, процедила великая княгиня.

– Да-да, – кивнула юная княжна. – Лицом пригож, а как снимет сапоги... Откуда мне знать?

– В наших королевствах, ваше высочество, – терпеливо объяснял епископ Роже, – его величеству найти невесту трудно, потому что все ему так или иначе родственницы...

– Как так, ваше преосвященство?

– А вот так, ваше высочество. Ведь у нас в Европе все троюродные братья и сестры давно переженились. А то и кузены! – Епископ был как на иголках: судьба его королевства решалась, счастье короля висело на волоске. – А сие богопротивно! Церковь не рекомендует, даже расторгает порой такие-то браки!

– А-а, тогда ясно, – немного успокоилась Анна. – Жаль, король сам к нам не приехал, да, матушка? – обернулась она. – Андраш, венгерский принц, у нас гостил, и Харальд тоже...

Великая княгиня еще крепче сжала зубы.

– У нашего короля много дел! – попытался защитить своего государя епископ Роже. – Война, ваше высочество!

– Так у всех война...

Епископ даже руки сложил на груди:

– Скажу как перед Богом: мой король будет любить вас больше жизни! Он прослышал о вашей красоте и теперь думать ни о какой другой невесте не может!

– Вот и ты думай, дитятко, – ласково обернулась к ним мать невесты и дочь викинга Ингигерда, – не упusti возможность... Увянешь ведь в Киеве с таким-то норовом...

А что матери было жаловаться на норы дочери? Все детки в отца и в нее пошли! Трудно было найти на свете более расчетливых, властолюбивых и мудрых государей! Кремень была пара! И младшая дочь, все взвесив своим хоть и юным, но женским, к тому же княжеским умом, решила, как ей быть.

Пришла к родителям и, смиренно опустив очи, перед портретом Генриха сказала:

– Я согласна, батюшка. Сделаю по-вашему, маменька. Не верю я портрету, – она подняла глаза на холст, доставленный с другого края земли, – но что поделаешь? Видать, судьба моя такая: ехать в тридевятое царство! – Анна уже с интересом разглядывала портрет. – За старика замуж выходить. Что ж, коли Господь хочет, то и старика полюблю, и детей ему рожу! – Алые губки ее дрогнули, и она неожиданно всхлипнула носиком. – Сколько попросит!..

– Вот и ладненько, – положив все еще богатырскую руку да еще пуще тяжелую от перстней на ручку дочери, кивнул Ярослав Мудрый, правда, у него от жалости к дочери сердце сжалось и тоже слеза навернулась! Большая княжеская слеза! Ярослав даже переглянулся с женой, но властный взгляд северянки был тверд, как сталь. – Будь по-твоему, Аннушка...

– Мудрое решение, – кивнула мать. – Вся в отца пошла!

– Отдаю дочь за вашего короля! – тотчас же объявил послам великодержавный Ярослав.

Наконец, он в первую очередь великий князь, а потом уже отец. И должен думать о выгодах своего престола, о большой политике и международном положении, о том, что нечего красавице дочери за отцовский кушак держаться: княжна, как и любая баба, жить должна с мужем и детей рожать. А у такой дочери, как его Аннушка, каждый ребенок на вес золота будет! Великая княжна королей и королев для всей Европы должна нести!.. И ведь прав был Ярослав Мудрый, еще как прав! Через дочь его Анну кровь его русско-варяжская разольется по жилам почти всех европейских королей и будет течь тысячу лет!

Итак, великий князь и его дочь Анна дали согласие. Епископ Роже ликовал: посольство увенчалось успехом! Виват! А как Господь-то обрадуется! У его короля будет молодая красавица-жена, с которой у них ни капли общей крови!

И начались сборы в далекую страну. Сборы и слезы. Но радости все-таки было больше. Тут, в Киеве, все изведано, все дорожки пройдены. А там, в стране франков, именуемой Францией, все ново будет, все интересно! Хоть и со стариком мужем...

– Мне, батюшка, их франкский язык неприятен, – говорила Анна любящему отцу. – Я, конечно, его выучу, а вдруг свой в далеких краях позабуду?

– Да как же ты его забудешь, доченька, ты ведь с собой подруг да прислугу заберешь, сколько пожелаешь!

– Я книги возьму, батюшка! Много книг! – предупредила она. – Без книг никуда не поеду! – она даже топнула ножкой. – Больной скажусь – пусть забирают подарки!

– Бери книг столько, сколько тебе надобно, дочка, – говорил Ярослав Мудрый. – Неужто мне для тебя чего-нибудь жалко? – и он прижал ее к себе: – Глупенькая, дитятко...

И пока слуги набивали сундуки и тюки киевским добром, пока отбирали лучших воинов для сопровождения княжны в дальние страны, Анна устремилась в отцовскую библиотеку, где знала уже многое, но далеко не все! На это *все* ей и десяти жизней бы не хватило! Но она была такая любознательная, и столько в ней уже трепетало взрослой силы! Арочные своды и дубовые полки, уставленные книгами, и сундуки с теми же книгами открылись ей. Поблескивали золотые да серебряные оклады...

«С чего бы начать? – подумала княжна. – С Евангелия, конечно!»

Княжеская библиотека тонула во мраке. Поздняя ночь была!

Открылась кованая дверь, и затрепетало пламя свечей на сквозняке! В библиотеку вошел великий князь...

– Что, батюшка, жалеете, что разрешили мне черпать из вашей житницы?

Глядя, как дочь выбирает книги, Ярослав улыбнулся.

– Нет, милая, не жалею, – с любовью ответил он.

– О чем тогда думаете? – обернулась она к нему.

– А ты права, – кивнул он, – думаю... – Он окинул взглядом гору богослужебных книг, отобранных княжной. – Ты, доченька, не только Священное Писание да наставления святых людей возьми с собой...

– А что еще взять?

– Возьми с собой в далекие края древние руны. Их здесь много! – он сел на скамью. – Я эти книги полжизни собирал, Аннушка. Но когда я упокоюсь, знаю, монахи найдут их и сожгут. Епископы и монахи ничего старого ни видеть, ни слышать не хотят. Пока они меня боятся. Митрополит Феопемп интересовался, что это за тайные письмена храню я? А дьякон Пимен, который от него не отходит, уже корил меня, что бесовские книги на бесовском языке держу вместе со святыми книгами! Да откуда знать Пимену, что это за книги? О том, что наши предки чертами и резами писали, он и слышать не хочет! А в тех книгах часть души нашего русского народа осталась. Как я могу от своих дедов отречься? Позором бы я себя покрыл, коли бы так сделал!

Ярослав Мудрый знал, о чем толковал любимой дочери! Середина одиннадцатого века! Это было время, когда жители Скандинавии, Балтии и Восточной Европы только-только свыкались с новой религией – христианством. Как мы уже сказали, отец Ингигерды, матери Анны, был первым христианским конунгом Швеции, а до него все поколениями поклонялись Одину! Отец Ярослава Мудрого – Владимир – стал первым христианским государем Руси. И то ведь, много религий пересмотрел, прежде чем принять именно православие. Все думал, решал, какую такую веру выбрать ему, которая бы объединила и сплотила Русь? Мусульманство отверг, сказал: русскому человеку без вина тяжело будет! Католиков отверг, потому что не любил их за чрезмерные политические аппетиты и агрессивность. С Византией много было стычек у русов – и беспощадных стычек! – но уж больно красив был обряд византийский! И многие дружинники, служившие в Константинополе, возвращались на родину не только с тяжелой мошной, набитой золотом, но и приобщенными к православной вере. Да и княгиня Ольга, жена князя Игоря, прабабка Ярослава Мудрого, хоть и тайно, говорят, но приняла православие. Снизойшла на нее благодать! Это Святослав, сын ее, дед Ярослава, был жесточайшим гонителем христианства: никого не жалел! Священников особенно. Черепа дробил, на копья поднимал... Чистый зверь!

И потом, видел Владимир, какая сила и мощь у константинопольского императора! Никогда бы императоры не получили такого могущества, поклоняйся они разноплеменным идолам! Язычество только разъединяло племена! У каждого свой идол. Хочешь создать вели-

чайшую державу: найди общий для всех духовный корень! То, что не только интересы сплотит, но и сердца, и души! Вот тогда и силен станешь, и непобедим!

Жестокий тиран и вдохновенный женолюб Владимир Рюрикович был очень умным и дальновидным политиком! Всем на зависть!

Ярослав унаследовал практицизм отца. Новый великий князь, полжизни воевавший с родней, был и впрямь мудр. В отличие от отца он был еще и книжником! Ярослав приветствовал настоящее, верил в будущее, но и понимал прошлое своего народа. Ведь по всей земле русской еще жили жрецы Сварога и Перуна, Ярилы и Велеса, они только ушли в тень, чтобы не попасть в жестокую опалу, не подвергнуться пыткам и огню. Только в городах христианская церковь восторжествовала в полной силе, а по селениям Руси, по всем ее бескрайним просторам волхвовали как прежде! И не думали жить иначе! И все так же, как и сотни лет назад, жрецы Сварога и Велеса приносили жертвы у алтарей своих богов и зывали к ним!

Да, одной ногой Русь шагнула в будущее, но другой все еще крепко стояла в прошлом...

– Ты вот что запомни, милая, – сказал Ярослав дочери, – король Генрих и франки твои... да-да, – серьезно кивнул он, – они скоро твоими станут! – так вот, для них что азбука Кирилла, что глаголица, что черты и резы – все едино. Они только латиницу знают! У тебя наши руны никто не тронет. Со временем ты сама решишь, как быть со своей библиотекой. Забирай все, что пожелаешь, дочка...

Ярослав вдруг нахмурился.

– О чем призадумались, батюшка?

– Есть среди этих книг особая книга, доченька, – великий князь кивнул. – Ее «Книгой судьбы» народа нашего зовут. Не на пергаменте она, а на досках высечена. – Ярослав Мудрый подвел ее к сундуку и открыл крышку. – Вот она...

– Эти дощечки?

– Именно.

Сотня исписанных досок лежала тут! А то и поболее...

– Они нашему роду от волхвов достались. И кто черты и резы читать умеет, тот прочтет, что книга эта о предках всех русов глаголет. О том, как ветра времени носили их по земле! Я тебе прежде не говорил о ней, но так ты мала была. А теперь скажу так: забирай ее в страну франков.

– А не жалко, батюшка?

– Жалко. Но после моей смерти Пимен, коли меня переживет, ее первую в костер и бросит! Или кто из его учеников-ревнителей...

– Отчего же?

Ярослав мудрый улыбнулся:

– Оттого. Уж больно громкие имена старых богов в тех письменах!

– А что за имена? Покажи! – попросила Анна.

Ярослав Мудрый пригляделся к дощечкам и взял одну из них:

– А вот, милая, сама посмотри, – и протянул ее дочери.

Анна осторожно взяла дощечку с древним алфавитом. Большие и шершавые. Старые-ее! Станные...

– Головы зверьков с краю, батюшка, зачем?

– Думаю, они годы или месяцы отмечают. Так прежде было. Кто теперь скажет?

– И ведь поди разбери, какие куда, – молвила Анна. – А все-таки необычные буквы, батюшка, если с кириллицей сравнивать: все под строчкой написаны...

– Это они теперь необычные, а прежде обычными были, только очень давно! – Ярослав Мудрый требовательно взглянул на дочь: – Тебя ведь втайне от Пимена учили рунам, я знаю, вот и прочти...

Анна не сразу сумела разобрать слова, но вскоре поняла, что к чему. Ее учили этому языку! Не митрополит Феопемп, не Пимен, не другие учителя церкви. Учили дед Любомир, кудесник, и бабка Варга, повитуны. Которые еще отца ее Ярослава учили уму-разуму. По-своему, конечно. И деда ее, Владимира, хорошо знали... И помогали ему!

И то правда: церковные пастыри пришли на Русь – новую веру насаждать, истуканов жечь, дьявола изгонять! Спасение души проповедовать! Но разве знали они медицину? Знали, как заговорить ту или иную хворь? А как принять роды? Увы! Докторов-то новых не было! И не будет еще столетия! А свои жили рядом и помогали: и травами, и наговорами, и опытом великим. И оттого держались своих старых кудесников и повитух князя. И бегали меж ними детки, и ходили к ним за советом, и учились у них таким премудростям, которым в церквях тебя не научат.

Вот и Анна Ярославна знала таких мудрецов из народа и умельцев и многому у них научилась.

Юная княжна приложила к строке палец и прочитала:

– «Все сотворенное можно познать, если понять тайну Триглава: богов Сварога, Перуна и Святовита...» Так, батюшка?

– Почти, – кивнул он. – Читай дальше, Аннушка...

– «Хвала Триглаву», – прочитала Анна на первой дощечке самое начало «Книги судьбы». И стала читать дальше:

Воспойте Триглава, славяне, великого бога!
Так деды и прадеды наши воспели Сварога!
Когда выйдет срок и земное пройдет лихолетье,
у их родников мы напьемся водою бессмертья!

Что-то дивное рождалось от этих слов в самой глубине ее сердца! И хотелось читать дальше. Но для начала стоило потрудиться, чтобы разобрать эти хитрые буквы. Но у нее получилось, еще как получалось!

И она читала дальше:

Всем родом давайте Перуна мы в песнях восхвалим!
Его, Громовержца, из огня, отваги и стали.
Погибшие в битвах за право отцовское с честью,
в Перуновом войске шагают героями в вечность.

И, разгадывая при свечах, читала следом:
О, бог Святовит, бог животворящего света!
Тобой наши души озарены и согреты!
И в сумраке дней и в затмениях сердец не остави:
веди нас стезею спасительной Прави и Яви!

Правь и Явь! Какие удивительные слова!..
Воспойте Триглава, славяне, и ждите подмогу,
в те дни и века, когда выйдем навстречь Чернобогу!..

– Красиво, батюшка!

– Еще как красиво, Аннушка, жаль будет, если эти доски сгорят! А ведь они их точно спалят, ведь сколько тут одних только имен прежних богов перечислено!

– Так я прочитаю дальше? – Она взяла следующую дощечку.

– Читай, Аннушка, – кивнул любящий отец.

– «Сварог, Перун и Святovit – эти три бога охватывают небо, – прочитала она. – А в небе том Белобог сражается с Чернобогом... А за ними стоят Велес, Хорс и Стрибог. А затем – Вышень, Леля и Летеница. Затем Радогощ, Крышень и Коляда, за ними – Удрзец, Сивый Яр и Дажьбог. А там Белояр, Ладо, а также Купала...» – Она посмотрела на отца.

– Он самый, только теперь он Иваном Купалой зовется... Читай, милая, у тебя хорошо выходит...

Палец девушка вновь заскользил по строке.

– «...а дальше и Сенитч, и Житнич, и Венитч, и Зернич, Овсенич и Просич, и Студич, и Ледич, и Лютич. За ними вслед Птичитч, Зверинич, и Милич, и Дождич, и Плодич, и Ягоди-нич, и Пчелич, Ирестич и Кленич, Озернич и Ветрич, Соломич и Грибич, и Лович, Бесидич и Снежитч, и Странич, и Свендич, и Радич, Свиетич, Корович и Красич, и Травич, и Стеб-лич...» Но как же их много, батюшка! Запутался, к кому обращаться!

– А наши предки не путали. Они еще и говорили с каждым из них!

Анна взяла новую дощечку.

– И ведь никак не кончатся! «За ними и Родич, Масленич и Живич, и Ведич, – на одном дыхании читала девушка, – и Листвич, и Цветич, и Водич, и Звездич, и Громич, и Семич, и Липич, и Рыбич, Березич, Зеленич, – она едва перевела дух, – и Горич, и Страдич, и Спасич, и Мыслич, и Гостич, и Ратич, и Стринич, и Родич! И с ними Семаргл-Огнебог: он чистый и яростный, быстро рожденный!» Да, батюшка, нелегко ведунам нашим было! Со всеми-то разговаривать! Но зачем их так много?!

– А ты по их именам должна рассудить, зачем! Для всякого случая свой бог, милая, – рассмеялся Ярослав Мудрый. – Для чего Дождич?

– Чтобы дождь шел и земля плодоносила? – ответила вопросом умная девушка.

– Правильно, – кивнул великий князь. – А Ратич зачем?

– Чтобы в бою победить?

– Именно! А Мыслич, чтобы думать искуснее можно было! Я так мыслю, – рассмеялся Ярослав Мудрый. – А иначе зачем ему такое имя? – Он вдруг стал очень серьезным. – А теперь представь, попадут эти дощечки к нашим монахам. Что будет?

– А что будет?

– За сердце они схватятся, вот что будет! Монахи наших Птичичей и Ратичей, Дожди-чей и Листвичей пуще смерти боятся и ненавидят! Для них все, что прежде было, от дьявола. А ведь это не так. Да поди докажи! А станешь заступаться, еще в чародействе каком обвинят.

Анна Ярославна взяла еще одну дощечку.

– Должна же я понять, к чему такое перечисление, а то не усну! «И все те боги подчи-няются Триглаву, – прочитала она продолжение. – К ним ты придешь, и служитель ворота откроет, и пустит сюда – в прекрасный сей Ирий...» А что такое Ирий, батюшка?

– А это наш славянский рай, дочка. Так, я помню, говорили волхвы. Из Ирия аисты выносят души младенцев и несут их к чреву рожающих матерей...

– Понятно, – кивнула Анна. – «Течет Ра-река там, та, что разделяет небесную Сваргу и Явь...» А что такое Сварга?

– А Сварга то же, что Ирий, это мир небесный, а Явь – наш мир...

– Ну, это понятно, – вновь кивнула Анна.

– А Ра-река разделяет два этих мира.

– «И Числобог наши дни здесь считает. Он творит свои числа богам, быть дню Сваро-жьему, быть ли ночи. И дни отсекает у смертных, но сам он в едином дне божьем, где нету времен...» Как интересно-оо! – со вздохом протянула княжна.

– Хорошо, Пимен нас не слышит, – вздохнул Ярослав Мудрый, – а то решил бы, что я спятил на старости лет, или что мной дьявол овладел! За святой водой послал бы – отпай-

вать! – он погладил самую любимую дочку по голове: – Забирай, дочка, эти дощечки, вези их во Франкию. Будет у тебя своя библиотека, королевская, там и сохранятся наши чудеса...

Анна сама командовала погрузкой книг. Указывала пальчиком и говорила, что делать. Завернув в холсты, рукописные фолианты в дорогах окладах аккуратно сложили в княжеские сундуки. «Что таскаем?» – спрашивали одни княжеские холопы. «Книги, говорят!» – отвечали другие, знающие. «По что нашей княжне столько книг-то?» – спрашивали первые. «Видать, читать будет! – отвечали вторые. – Она ж у нас умна-я-я-я!» – «Девке надобно мужниным умом жить, – вступали бабки и мамки. – Только так порядок будет!» – «Поменьше балаболите, – осаждали их добры-молодцы в кольчугах. – Растрещались, сороки!» А сундуков оказалось много! Самые ценные сундуки поставили в кареты, другие отправили в телеги под рогожи. Сундучок с древними досками, под тремя замками, упрятали в ее карету, под скамью. Для надежности!

На прощальном пиру весь киевский двор рыдал. Анна храбро сказала, что как родит старику наследника, так и придет. Покажет сыночка! Ярослав Мудрый прослезился. Скомо-рохи кувыркались, дудели в дуды и звенели бубенцами, но тщетно. Вино горьким казалось!

Утром уезжали. Волчицами были мамки и няньки, любившие «свою Аннушку». Даже мать, Ингигерда, суровая северянка, и та пролила слезу у Золотых ворот Киева. Не верила она обещаниям дочери приехать и показать первенца. Жизнь, она ж какая? Думаешь так, а выйдет эдак. Да и кто наследника трона за тридевять земель отпустит? Детей их Аннушки как зеницу ока беречь станут! Государи и государыни, отдавая дочек в другие страны, готовились к тому, что уже никогда не увидят своих кровиночек!

– А ты не ропщи, дочка, – сказала Ингигерда. – Судьба у нас такая – монаршая!

Мать девяти детей, она лучше других знала, что должна делать настоящая княжна: рожать и властвовать, властвовать и рожать. И так из поколения в поколение и во веки веков!

Ярослав Мудрый долго ехал рядом с дочерью по лесам и долам киевским. Оба они покачивались в седлах. Анна ехала в женском седле, бочком. Свита поотсталала.

– Пора, дочка, прощаться, – у одной из киевских застав сказал Ярослав Мудрый любимой дочери. – Пора, ласточка моя...

Он спрыгнул с коня, снял и княжну. И тут Анну как прорвало. Долго держалась! Горькие слезы ручьями полились из ее синих глаз. А великий князь гладил ее по золотисто-рыжим волосам и приговаривал:

– Тихо, милая, тихо...

Епископ Роже с волнением глядел на них из седла дорогого великокняжеского жеребца, подаренного ему Ярославом. Как бы чего не случилось! Дрогнет сердце князя, не отпустит еще! Придется с подарками возвращаться! Вот позор будет!..

– Лучше бы с вами осталась, батюшка, – всхлипывая, причитала Анна. – Подле вас бы жила!

– Пора, пора, – увещевал Ярослав и целовал ее в заплаканные глаза. – Теперь у тебя новая жизнь начинается. Своя жизнь! Прощай, девочка моя...

Вот так расставались они, с болью, точно и не выпадет им еще свидеться. Но ведь и впрямь: не выпадет! Увы!..

– Прощайте, батюшка, – всхлинула девушка напоследок.

И мгновенно преобразилась! Передав жеребца оруженосцам, гордо подняв голову, юная княжна двинулась к своей карете. И вот уже, опершись на руки других оруженосцев, Анна села в карету, в свою крепость на колесах.

Теперь ей хотелось побыть одной...

С Анной Ярославной отпустили с десятков девиц из придворного окружения и прислуги. Самых умных и надежных. Для Анны и ее спутниц приготовили лучшие повозки.

Княжескую крепко обложили перинами и подушками, чтобы ни одна тряска не одолела деву! Чтобы как ласточка в гнездышке, как птенчик в скорлупке чувствовала себя княжна! А будет страна Франкия, королевский дворец, тут и она вылупится из скорлупки! Еще в Киеве епископ Роже, как и сам князь Ярослав Мудрый, соревновались в том, где бы еще покрывальце подоткнуть! Епископ даже больше рвения проявлял, потому что вез чрево! Волшебное чрево! В нем, этом чреве, должны будут начинать свою жизнь новые короли страны франков. Бесценный клад он обязался привезти на свою родину!

Две с половиной сотни русских воинов ехали для охраны княжны, и еще пятьдесят рыцарей и пажей из франков, доставивших сюда епископа Роже. Образованнейший муж – богослов Готье Савьер должен был по дороге учить Анну и ее подруг языку франков. Впрочем, Анна была от рождения полиглотом. Языки сами просились в ее горницу! Она знала язык скандинавов, потому что скандинавкой была ее мать, знала греческий и церковнославянский. И даже латинский знала! А знаешь латынь, выучишь и французский!¹² Два-три месяца юной Анне Ярославне вполне бы хватило, чтобы освоить и заговорить на языке ее будущего мужа.

¹² Французский язык, так же как испанский и португальский, родился из *sermo vulgaris*, «обиходной, народной речи», вульгарной латыни, на которой говорили в той или иной местности. Например, в Галлии – Франции или Иберии – Испании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.